

Татьяна ТРОНИНА

Femme fatale выходит замуж

истории
любви

Татьяна Михайловна Тренина
Femme fatale выходит замуж

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=161667*

Содержание

***

4

Конец ознакомительного фрагмента.

109

Татьяна Тренина

Femme fatale выходит замуж

***

...Ну-с, милочка, не вижу никаких препятствий для того, чтобы вы могли родить ребенка. Здоровы, абсолютно здоровы! – благожелательно произнесла пожилая темноволосая докторша, захлопнув карту.

– Спасибо, Ирен Акоповна... – рассеянно ответила Нина. Она не сомневалась в своем здоровье – данный визит в женскую консультацию носил скорее профилактический характер.

– Как говорится, теперь дело за вашим мужем! – Докторша всегда поддерживала пациенток, которые решались в это не такое уж легкое время обзавестись потомством. С другими – кто сознательно пытался лишиться себя радости материнства – Ирен Акоповна вела себя отстраненно-холодно.

– Я не замужем... – все так же рассеянно ответила Нина. Но, посмотрев в темные любопытные глаза докторши, тут же спохватилась: – Но скоро буду!

– Дай-то бог! – энергично кивнула Ирен Акоповна. – Всего доброго... – она заглянула в карту, – ...Нина Андреевна. Следующий!

Нина вышла из кабинета, пропустив в кабинет особу в немыслимом мини и розовых сапожках на шпильках, отметив равнодушно, что особа чем-то похожа на Жанну Ложкину, ее коллегу по работе... Такая же фамм фаталь. Нина недолюбливала подобных особ – то бишь роковых женщин – эксцентричных, эффектных и пустых, которые тем не менее ловко умели морочить головы доверчивым мужчинам. Но теперь Нине стали безразличны все эти фамм фаталь, поскольку в ее, Нининой, жизни впервые за долгое время появился некий просвет.

Она прошла по длинному сумрачному коридору, забитому женщинами, ожидающими своей очереди, а затем стала спускаться вниз по лестнице со стертыми неровными ступенями и вдруг остановилась у окна, за которым виднелись верхушки кленов, растущих во дворе, – желто-оранжевые, золотые, сказочно красивые.

Сердце Нины сжалось в предчувствии грядущих перемен – это был тот миг откровения, который время от времени и порой в самый неожиданный момент посылается каждому человеку, подхватывает и крутит, точно осенний лист над землей, заставляя дрожать от страха и восторга...

Нина стояла у окна и смотрела неподвижными глазами на деревья, но видела не их, а свою будущую жизнь.

У нее прекрасный муж. Добрый, порядочный человек. Они оба мечтают о ребенке. Нет, даже не так – о детях! Потом их мечты обретают реальность – благо никаких препят-

ствий для этого не существует, Ирен Акоповна гарантировала... Мальчик и девочка. Умные, милые, славные. Они растут, ходят в детский сад, затем в школу. Девочка – хорошенькая, но очень ответственная, серьезная, уж Нина постарается, чтобы ее малышка ни в коей мере не напоминала фамм-фаталь, раскрашенную куклу! Мальчик – способный и талантливый. Нина приложит все усилия, чтобы его не забрали в армию. Да, и еще постарается, чтобы они уважали отца. Впрочем, они будут его уважать и без ее участия, потому что, как уже сказано, он добрый и порядочный человек. Немного мягкотелый – тайком станет баловать их, а Нина будет старательно делать вид, что ничего не замечает. Что плохого в том, что отец слишком любит своих детей?.. Она, Нина, положит всю свою жизнь на то, чтобы ее будущая семья стала счастливой.

О, как нестерпимо мучительно хотелось ей и доброго мужа, и славных деток!

Ничего для этого не жалко, и никакой труд не кажется тяжелым. Только радость...

Ей будет в радость и беременность с ее токсикозами и прочими проблемами. Роды, пусть даже самые болезненные, превратятся в праздник. Бессонные ночи с младенцем будут полны умиления. Ходить в магазины, драить полы, готовить обеды, устраивать семейные вечеринки, искать репетиторов, давать взятки, выбивать справки, бегать в химчистку, вытирать носы, проверять уроки, работать сверхурочно... Ничего

этого Нина не боялась, скорее наоборот – она *хотела* этого.

Уже много лет она пыталась претворить свои мечты в жизнь, но почему-то ничего не получалось. Берегла свое здоровье, регулярно посещала всех врачей – для того, чтобы счастье не застигло ее врасплох, чтобы к его приходу было все готово. Не пила, не курила, питалась только здоровой, правильно приготовленной пищей. В супермаркетах, у полок, внимательно прочитывала все этикетки на продуктах – чтобы, не дай бог, никакого холестерина, консервантов, ароматизаторов, идентичных натуральному, генетически модифицированных добавок... Не смотрела новостей по телевизору – от них только нервы портятся. По вечерам обязательно хоть полчаса, но гуляла. Пила витамины. Была постоянной посетительницей косметических салонов. Читала модные книжки, чтобы уметь поддержать разговор!

Маховик был запущен на полную мощность, но работал вхолостую.

Это было просто какое-то наваждение.

Тридцать шесть лет, и все еще одна, мама не в счет...

И, главное, ведь не уродина какая-то!

Нина была вполне симпатичной женщиной – не толстая, не кривоногая... Носила, правда, очки – но очки никто нынче недостатком не считает. Даже более того – они Нине очень шли, она не собиралась менять их на контактные линзы или, например, исправлять зрение оперативным путем... Тонкое, одухотворенное, интеллигентное лицо, которое лин-

зы в оправе от Диора (триста долларов, это вам не шуточки!) делали только выразительнее.

Нет, если подумать, одинокой Нина тоже не была – постоянно кто-то крутился рядом. Но все не то... *Он* или был уже женат, или жениться категорически не хотел, или же сразу браковался как возможный отец (плохая наследственность, алкоголизм, ярко выраженные дефекты внешности и т.п.). Приличных мужчин уже успели расхватать проклятые фамм-фаталь!

И в какой-то момент Нина решила – все, если она до сорока никого не найдет, родит для себя, из пробирки. Это был, конечно, крайний вариант. Но мама его тоже одобрила – бедная мама, она спала и видела внуков!..

Однако в тридцать шесть судьба преподнесла Нине подарок. Сразу двух (двух!) мужчин, готовых предложить ей руку и сердце.

...Нина стояла у окна и, глядя на золотые, сказочные деревья, пыталась найти ответ – кто? Гурьев или Пересветов? Кого из них выбрать?.. Ах, как бы не ошибиться... Хотя ошибиться было трудно, оба они железно попадали в категорию добрых и порядочных. Немного мягкотелы – но это именно то, что надо. Так называемые «настоящие мужики» озабочены совсем другим, они редко становятся хорошими мужьями и отцами. У психологии тоже есть свои законы!

Вдруг зазвонил сотовый. Нина вздрогнула и выхватила из сумочки телефон.

– Нинула, ты скоро? – нетерпеливо спросила мать.

– Уже иду... – И Нина стала поспешно спускаться.

Раиса Романовна, ее мама, ходила кругами по маленькому дворику возле женской консультации, между тех самых кленов, на которые только что любовалась Нина.

Несмотря на конец октября, на Раисе Романовне было толстое зимнее пальто на пуху и лохматая песцовая шапка, из-под которой торчали аккуратные пряди сине-красных волос (цвет «баклажан», с помощью которого она боролась с сединой). Раисе Романовне было пятьдесят восемь, и она все еще преподавала в колледже. Физику.

– Что так долго? – кинулась она к Нине.

– Ты же знаешь – очередь, – с досадой ответила та. – Беременных – целый коридор! Просто ужас. Демографический взрыв.

– И что говорят? – тут же спросила мать уже о другом.

– Все в порядке, – усмехнулась Нина. – Да я и без того знала...

– Господи, слава богу! – истово произнесла Раиса Романовна и поправила на голове песцовую шапку.

– Мама, ну куда ты так закуталась... Тепло же!

– Это тебе тепло, а я уже старая... – сварливо, скрывая любовь, ответила Раиса Романовна. – Ждала тебя два часа!

– А зачем? Сидела бы дома... – тоже сварливо, скрывая любовь, заметила Нина. – Я же не маленькая.

– Ты для меня всегда останешься маленькой. – Раиса Ро-

мановна подхватила дочь под руку, и они пошли к воротам.

Нина, в длинном светлом плаще, со светлыми, до плеч, волосами, в светлых сапожках и со светлой сумочкой через плечо, вдруг в самом деле почувствовала себя совсем молодой. Лет на двадцать. В последнее время у нее всегда было хорошее настроение.

– Я все об этом думаю...

– О чем?

– О Юрочке Пересветове и Николае Ионовиче.

– Представь себе, я тоже о них думаю! – засмеялась Нина.

– Нет, я о другом... Кто из них лучше? Кто из них... как бы это сказать... достойнее?..

– Ма, перестань. Тут не угадаешь.

– Почему? Вот Николаю Ионовичу уже сколько? – с любопытством спросила Раиса Романовна.

– Гурьеву сорок четыре, Пересветову тридцать восемь.

– Вот-вот! Мне кажется, Юрочка лучше...

– Юрочка... – передразнила Нина. – Какие нежности!

– Ну, если это тебя злит, то я не буду... – обиделась мать.

– Ма, да все в порядке! – сердито сказала Нина. – Просто ты говоришь о том, над чем я сама голову ломаю. Понимаешь, они оба – очень хорошие. Оба. Дело в другом – Николай Ионович в меня просто-напросто влюблен. Смотрит все время, ходит следом, зовет куда-то... Даже ревнует, когда я с другими говорю! То, что он сделает мне предложение, даже не обсуждается. Он просто ждет удобного момента. Причем

этот момент я могу предоставить ему в любое время – это уже от меня зависит.

– Да, да... – горячо согласилась Раиса Романовна, шагая рядом с дочерью.

– А Юра Пересветов... О, тут все гораздо сложнее. То, что он явно во мне заинтересован, – это тоже очевидно. Но он... – Нина задумалась, пытаясь сформулировать свою мысль. – Понимаешь, мам, он какой-то не от мира сего.

– С головой не все в порядке? – разочарованно ахнула Раиса Романовна.

– Нет, не в этом дело! Он не псих, он абсолютно нормальный человек. Талантливый программист, как все вокруг заявляют. На должности сисадмина...

– Кого-кого? – изумленно спросила Раиса Романовна.

– Сисадмин – сокращенно от системного администратора. Увлечен своей работой – так, что иногда забывает о себе. Очень замкнут. Не застенчив, нет – а именно замкнут. Первым никогда не подойдет. Зато уж если с ним заговоришь, то он начинает откровенно радоваться, словно ждал этого! И добр – это видно по улыбке, по всему... Хотя, если быть справедливой, Николай Ионович тоже очень отзывчивый человек, – тут же поправила себя Нина. – Они оба были женаты. Гурьев – вдовец уже давно, у него взрослый сын, живет отдельно. А Пересветов развелся лет пять назад, и с тех пор у него, судя по всему, никого не было. Детей тоже нет.

– Не может быть, – скептически произнесла Раиса Рома-

новна. — Чтобы мужчина да столько лет один...

— По крайней мере, такое у меня впечатление! — с досадой пояснила Нина. — И он страшно тоскует. Страшно. Я вот недавно поговорила с ним ласково — так он весь прямо засветился, засиял... И такой неухоженный! Худющий. И то пуговица на ниточке висит, то в ботинках разных пришел...

— Правда? — Ее мать засмеялась, переполняемая нежностью к возможному зятю. — Бедный, бедный!

— Юру можно брать голыми руками. Что скажешь, то и сделает. Только я хочу, чтобы инициатива исходила от него...

— Так в чем же проблема?

— Ни в чем. Только в одном — в самое ближайшее время мне надо сделать выбор. А то как-то нехорошо — морочить голову сразу двум... — усмехнулась Нина. — Я не Жанна Ложкина. У нас, мам, есть такая — крутит амуры сразу с двумя: с Сидоровым и Айхенбаумом.

— Неужели?

— Я тебя уверяю!

Некоторое время они шли молча.

Раиса Романовна смотрела под ноги, на жухлые листья — словно не было ничего интереснее. Она думала, инстинктивно чувствуя, что дочь от нее ждет совета.

— Нинула...

— Да, мам?

— Если хочешь знать, мне Пересветов гораздо больше по

душе.

– Ты же его только с моих слов знаешь!

– При чем тут это... – отмахнулась пожилая учительница физики. – Я о тебе говорю. Ведь сознайся – Юрочка Пересветов тебе нравится больше?..

Нина нахмурилась.

– Ты права... – наконец сказала она. – Он мне нравится больше. Что ж, так тому и быть.

Контора под названием «Минерва-плюс» располагалась на двенадцатом этаже огромного многоподъездного дома. Когда-то весь дом принадлежал научно-исследовательскому институту, но после перестройки институт усох, сократился до размеров одного этажа с лабораторией в подвале, а все остальные помещения стал сдавать разным фирмам и фирмочкам.

Мебельный салон с демонстрационными залами, обувной склад, дизайнерское бюро, еще один демонстрационный зал – с сантехникой, издательство журнала для домохозяек, юридические услуги, мини-пекарня, солярий... Чего тут только не было!

Хотя львиную долю, конечно, занимали конторы по оптовым продажам – именно таковой и являлась «Минерва-плюс».

Так вот, если войти в подъезд номер пять, миновать вертушку с сонным охранником, который изредка и почему-то

избирательно требовал у входящих паспорта, чтобы зафиксировать их имена в специальном журнале, потом пройти холл, весь обклеенный рекламными объявлениями, затем найти лифт в сложной системе коридоров и подняться на двенадцатый этаж, то как раз там и можно было наткнуться на вышеназванную контору.

Чтобы попасть внутрь, требовалось прижать к электронному датчику специальную карточку или позвонить охраннику (система видеонаблюдения здесь отсутствовала по причинам экономии).

Зато сидящий у входа в «Минерву-плюс» охранник был суров и бдителен – не чета тому, с нижнего этажа.

Борис Борисыч Нечаев отличался огромным ростом, стрижкой под «ежик», ярким здоровым румянцем и полным отсутствием чувства юмора. Проскользнуть чужаку мимо Барбарисыча (именно так в коллективе называли Нечаева за глаза) было практически невозможно.

Далее шли комнаты с сотрудниками – информационный отдел, юридический, бухгалтерия, менеджеры... Отдельно располагалась комнатка офис-менеджера, или же, в другом варианте, – хозяйственного директора (а попросту – завхоза) Зины Рутковской, вся забитая папками, бумагой, бутилированной питьевой водой и коробками с офисной оргтехникой.

Потом коридор разделялся. В одной стороне была приемная, в которой сидела секретарша Полина – непосредственно перед кабинетом Платона Петровича Крылова, президента

фирмы, а в другом конце коридора были курительная комната и прочие мелкие помещения.

В данный момент в курилке сидели Жанна Ложкина, менеджер, Карина, менеджер, и секретарша Полина. В полуоткрытую балконную дверь, за которой виднелся скучный городской пейзаж с многоэтажками и рекламными вывесками, вливался ледяной осенний воздух. Табачный дым он почему-то не разгонял – только холодней становилось, но трем молодым женщинам это не мешало – они не торопились вернуться на свои рабочие места.

– ...Опять осень! – с тоской произнесла Карина – мать-одиночка двадцати девяти лет, вариант Барби с темными волосами до пояса. – Господи, а я и лето запомнить не успела. Вот так она и пройдет незаметно, эта жизнь...

– Какая осень?... Зима уж на дворе. – Жанна выставила руку наружу, за балконную дверь, и поймала ладонью несколько снежинок. – Вон, снег!

Жанне было тридцать два, она считалась самой красивой женщиной в конторе, и говорили, что даже почтенный президент, Платон Петрович Крылов, испытывал к ней какие-то чувства.

– Да, первый снег... – вздохнула секретарша Полина. Полине весной исполнился тридцать один год, она была крашеной блондинкой, очень хорошенькой, ее только портили вечно испуганные, несчастные глаза. Причин тут было две – во-первых, со своими прямыми обязанностями Полина не

справлялась, и каждую неделю Платон Петрович грозил ее уволить. Но не увольнял – поскольку Полина была дальней родственницей жены (Крылов, при всем своем президентстве, являлся подкаблучником). А во-вторых (это же и было второй причиной, по которой Крылов ее жалел), у Полины была несчастная семейная жизнь. Муж – деспот и моральный садист. Нет, он не колотил свою жену, не выгонял с детьми из дома (а их было двое – близняшки пяти лет, Петя и Дима). Но каждый вечер, возвращаясь с работы, он выплескивал на них свое недовольство жизнью. Владик, муж Полины, мечтал совсем о другой жизни – легкой, веселой, беззаботной. А вместо этого ему приходилось добывать деньги и терпеть возле себя женщину, которую он давно считал глупой и ничтожной. Вдобавок она родила сразу двоих детей – хотя он планировал только одного!

– Я вот одного не понимаю, – сказала Карина, выдыхая голубоватый дым. – Почему ты, Жанна, такая счастливая?

– Потому что одна, – напомнила Полина. – И свободна, как ветер в поле.

– Разве я счастлива? – усмехнулась Жанна.

– Ну, конечно! – в один голос воскликнули Полина и Карина.

Жанна затушила свою сигарету и перед зеркалом поправила ворот короткой трикотажной кофточки. И брюки, и кофточка были максимально облегающими, жизнерадостного желтовато-бежевого оттенка, в тон волосам – не осо-

бенно густым, но приятного золотисто-русого цвета, слегка выющим. Глаза у Жанны были светло-карими. «Медовая моя...» – вздыхал Сидоров. «Золотая!» – вторил ему Айхенбаум.

– А что такое счастье? – пожала она плечами. – Я, например, особого счастья не чувствую.

– Вот потому и не чувствуешь, что оно у тебя есть! – возразила Карина.

– Нет, я что об этом думаю... – серьезно произнесла Жанна. – Сказать, счастлив человек или нет, можно только после его смерти.

– О чем ты? – вздрогнула Полина.

– Древние греки считали, что лишь смерть придает жизни законченный вид. Жизнь должна завершиться, и тогда можно ответить, счастлив ли был человек. А пока она продолжается, сказать этого нельзя... – ответила Жанна, немного рисуясь.

– Вечно ты перемудришь... – кисло произнесла Карина. – Высшее образование тебя сильно испортило. И странных книжек чересчур много читаешь!

– Нет, правда... – с азартом продолжила Жанна Ложкина, глядя на свое отражение в зеркале. – Сейчас я еще не старуха и довольно интересная... Но что будет потом? А если я с возрастом превращусь в Бабу Ягу и проведу остаток своих дней никому не нужная?.. Можно ли будет после всего этого

назвать меня счастливой, а?..

– Ты как-то неправильно рассуждаешь, – пожала плечами Полина. – Действительно, всегда перемудришь.

Но Жанна ее не слушала:

– ...А ты, Поинка, бросишь наконец своего дурака Владика и найдешь настоящего мужчину, который будет любить и тебя, и Петю с Димой! Проживешь до ста лет и тихо-мирно умрешь во сне, окруженная детьми, внуками и правнуками. И все скажут – да, вот эта женщина действительно была счастлива...

– Зачем ты говоришь о смерти? – с отчаянием воскликнула Полина, закуривая следующую сигарету. – Это ужасно! Смерть никого не может сделать счастливым!

– А разве ты не думала о смерти? – с напускной мрачностью произнесла Жанна. – Она неизбежна. И все мы превратимся в прах и тлен... Придет тогда, когда мы совсем не будем ее ожидать, и расставит все точки над «і».

Сигаретный пепел посыпался у Полины прямо на пол, и Жанна засмеялась.

– Да она шутит! Издевается над тобой! – закричала Карина. – А ты, Поля, уши развесила... Жанна, это жестоко – мучить Полину, у нее и без того неприятностей полно!

Жанна уже смеялась во весь голос.

Полина посмотрела на нее с обидой:

– Ты правда жестокая... И потом, с чего это ты взяла, что с

возрастом женщина должна обязательно превратиться в Бабу Ягу? Взять, например, нашу Селену...

– Тс-с... – сказала Карина и на всякий случай выглянула в коридор. – Никого.

– Селене полтинник или даже все пятьдесят пять, а как она выглядит! – шепотом продолжила Полина. – Потому что пластическая хирургия сейчас все может!

Селена Леонардовна Веленская, главный бухгалтер и второе по значимости лицо после Крылова, была действительно дамой без возраста.

– Средство Макропулоса! – мстительно произнесла Жанна.

– Какое средство?.. – наморщила лоб Полина. – Нет, это пластическая хирургия! У нее муж в каком-то там институте красоты работает.

– Да тихо вы! – прошипела Карина. – Нашли кого обсуждать... Я вас уверяю, тут даже у стен есть уши!

И в этот момент по коридору прошла Веленская, неслышно ступая по ковролину, – изящная, тонкая, с безупречным овалом лица и копной серебристых волос. Холодно посмотрела на сидевших в курилке и скрылась в другом конце коридора.

– Что я вам говорила! – в отчаянии прошептала Карина. – Надеюсь, она ничего не слышала.

– А мы ничего такого и не говорили... – пробормотала Полина.

– Полина! – раздался в этот момент отдаленный вопль. – Ну ты где, елки-палки?!

– Платоша зовет... Все, я побежала! – Полина торопливо затушила сигарету и выскочила из курительной комнаты.

– ...Полина, это невозможно! – Платон Петрович Крылов рухнул в кресло. – Я ж тебя сто раз просил не отлучаться так надолго!

– Платон Петрович, меня всего пять минут не было... – едва не плача, возразила секретарша. – И почему вы на меня все время орете? Это несправедливо!

– Все, иди с глаз моих... – замахал руками Крылов. – Да, и закажи мне разговор с Сызранью!

Если кто действительно не чувствовал себя счастливым человеком, так это Платон Петрович Крылов. Президент «Минервы-плюс» находился в вечной депрессии. По крайней мере за последние тридцать лет его настроение только ухудшалось. У Платона Петровича было тяжелое семейное положение. Жена, две взрослые незамужние дочери, мать-инвалид, которая семь лет назад сломала шейку бедра и с тех пор так и не вставала с постели, оставаясь при том очень деятельной и придиричливой особой, теща и сестра тещи – ветеран вредного производства, восьмидесяти трех лет. Все они жили вместе, в одной большой квартире на Ленинградском проспекте. У каждого была своя комната, при мамаше вечно сидела медсестра, да и жена часто выезжала на дачу – но Платону Петровичу от этого не становилось легче, и даже

купленный недавно джип не притупил его тоски.

Крылов был совестливым человеком. Он не мог изменять своей жене, даме сурового характера весом в сто пятьдесят килограмм, не мог отселить своих дочек, стремительно превращающихся в старых дев, не мог отправить мамашу в элитный пансионат для престарелых, не мог послать к черту тещу и сестру тещи (хотя стоит заметить, что, если и были с кем у Платона Петровича хорошие отношения, так это с сестрой тещи, ветераном вредного производства. Она была славной старухой, и на ней, по сути, держался весь дом)...

Платон Петрович сидел в уютном кожаном кресле, дожидаясь, пока Полина соединит его с Сызранью, и невыразимо страдал.

Минута текла за минутой... И вдруг он увидел большого рыжего таракана, уверенно бегущего по полированному столу, – и это стало последней каплей!

– Зараза! – заорал он и швырнул в таракана массивным сувениром – малахитовым слоном, украшенным серебряной чеканкой, – подарок коллектива на юбилей. – Сво-оло-очь!!!

– Платон Петрович, что случилось? – влетела в кабинет перепуганная Полина. – Платон Петрович, Сызрань не отвечает...

– Таракан! – заорал Крылов. – Нет, ну какая наглость – прямо у меня на столе... Травить, срочно травить! Дустом!..

...Новость о том, что в конторе собираются всерьез уничтожать насекомых, дошла до отдела, где работала Жанна,

только вечером.

Она сидела перед компьютером, составляя список заказа, и одновременно общалась с клиентом по телефону, когда к ее столу подошла Нина Леонтьева.

Нина дождалась, когда Жанна положит трубку, и сказала ровным голосом:

– Слышала, да?

– Что? – спросила Жанна, подняв на Нину свои «медовые» глаза.

– Убери лишнее из стола, – ответила та. – Завтра-послезавтра будут тараканов морить.

– Давно пора, – бросила Жанна. – Спасибо, Нин.

– За что?

– За то, что предупредила...

Нина ушла. Жанна посмотрела ей вслед. «Единственный нормальный человек у нас в конторе...» – мелькнуло у нее в голове.

Чтобы удрать после работы домой незамеченной, Жанна предприняла хитрый маневр – в сторону лифтов не пошла, а поднялась по лестнице на тринадцатый этаж, затем через салон сантехники перебралась в соседний, шестой подъезд. Из шестого подъезда можно было попасть во внутренний двор, там как раз стояла машина Жанны – средней потрепанности «японка».

Едва Жанна отъехала от дома, как у нее зазвонил сотовый.

На экране высветилось имя звонящего – «Руслан». Руслан Айхенбаум, этого и следовало ожидать...

Жанна с досадой нажала на кнопку отбоя.

Через мгновение телефон затрезвонил снова. На этот раз Жанны домогался абонент по имени «Яша». Яша Сидоров, разумеется.

Тут уж Жанна не выдержала и поднесла телефон к уху, хотя за рулем старалась не вести бесед.

– Алло...

– Жанна, голубка, куда ты пропала?

– Сидоров, как вы мне надоели!

– Кто это «вы»?

– Ты и дурак Айхенбаум!

– Вот-вот, Айхенбаум дурак, а я хороший! – радостно закричал Сидоров. – Жанна, что ты делаешь вечером?..

Вместо ответа Жанна выключила сотовый совсем. Сидоров с Айхенбаумом не настолько наглые, чтобы явиться к ней домой!

Этим вечером у Жанны была куча дел – она так и не успела навести порядок в своей новой квартире, а жить среди коробок и пакетов не слишком-то приятно...

На лестничной площадке шестого этажа, выходя из лифта, она в первый раз лицом к лицу столкнулась со своим соседом – молодой мужчина в защитного цвета штанах, кожаной куртке и армейских сапогах выходил из соседней двери. Вид у соседа был мрачный, даже агрессивный.

– Добрый вечер, – сказала Жанна.

Сосед ничего не ответил и шагнул в лифт. «Ну и тип...» – озадаченно подумала Жанна, но, впрочем, едва войдя к себе, она тут же забыла о нем.

Эту квартиру Жанне подарила мать – певица Ксения Дробышева. Да-да, та самая Ксения Дробышева, известная исполнительница русских народных песен, героиня светских сплетен! Румяная полная красавица с роскошными черными косами.

Жанна не афишировала, что ее матерью была Дробышева. Знакомые слишком бурно реагировали на это известие: «Как?! Неужели ты дочь известной певицы? Боже мой, кто бы мог подумать! Да вы совсем не похожи! И почему она – Дробышева, а ты – Ложкина?» «Потому что у моего папаши была фамилия Ложкин, – объясняла Жанна. – И вообще, кто сказал, что дети обязательно должны быть похожими на своих родителей?..»

Сама Ксения Викторовна тоже не особенно распространялась о Жанне – лишь изредка небрежно упоминала, что у нее есть дочь, не уточняя, какого возраста. И вправду, зачем публике знать, что «ребенку» вечно молодой Дробышевой уже перевалило за тридцать.

Жанну лет до десяти воспитывала бабушка, страстная библиофилка, – они жили отдельно, поскольку певица была вечно в разъездах, а потом, когда бабушка умерла, Ксения Викторовна стала нанимать для дочери гувернанток.

Гувернантки были не самые плохие, но менялись довольно часто. Причиной того, что они не могли долго удержаться на месте, был придирчивый характер Ксении Викторовны, которая раз в месяц наезжала с инспекциями и вечно оставалась недовольна тем, какой вырастала ее дочь. Когда Жанне исполнилось шестнадцать, она заявила матери, что в состоянии жить одна. Ксения Викторовна сказала: «Посмотрим» – и вскоре разрешила дочери жить без опеки посторонних людей.

Жанна обосновалась в квартире покойной бабки, в однокомнатной «хрущевке», но потом Ксении Викторовне стало неловко перед людьми (а в околоартистических кругах подоплеку дела, естественно, знали – не дай бог, сплетни переползли бы в газеты...), и она подарила дочери роскошную трехкомнатную квартиру.

Жанна сначала хотела было отказаться – зачем ей столько комнат, да и вообще, гордыня взыграла («надо же, мамочка в кои-то веки решила позаботиться обо мне!»), но потом дар все-таки приняла.

Это была квартира в относительно новом доме – светлая, просторная, с окнами во всю стену.

С минимумом мебели – стол, стул, диван, книжные полки. И с огромным количеством книг – остались от бабушки.

По натуре своей Жанна была минималисткой, и собственного подавляющему большинству женщин желания «вить гнездышко» в ней не было. Убираться она не любила,

готовить – тоже, единственной ее слабостью была страсть к одежде. Одну комнату она перепланировала именно под гардеробную...

Придя этим вечером домой, Жанна переоделась в короткий шелковый халатик и мужественно принялась разбирать коробки с вещами, большая часть которых была забита книгами. Городской телефон она тоже на всякий случай отключила.

Разбирала коробки она ровно полчаса – а потом решила сделать перерыв. «Нет, это невозможно... Продать, раздать все эти книги! Зачем мне их столько? Вот, например, Шекспир в дореволюционном издании – к чему он мне, все равно я не могу прочитать его со всеми этими «ятями», тем более что есть еще одно издание, современное! А собрание речей Сталина?.. Я не историк, не публицист, мне эти речи задаром не нужны!..»

Жанна налила себе бокал красного вина, положила рядом на столик пачку сигарет.

Но едва она успела сделать первый глоток, как в дверь позвонили.

Скорее всего кто-то из этих наглецов – Сидоров или Айхенбаум? – все-таки решил навестить ее без приглашения.

Босиком Жанна неслышно подбежала к двери и заглянула в «глазок».

– Добрый вечер! – прошептала, выскочив из лифта, блон-

динка.

Марат ничего ей не ответил, хотя неделю назад видел, как она переезжала в соседнюю квартиру. Соседка, значит.

Конечно, не слишком вежливо, но он не собирался с ней знакомиться.

И вообще, ему было некогда – до смены оставалось часа два, а в доме ни крошки съестного. Полуфабрикатов Марат не любил, он готовил сам.

Купил в соседнем супермаркете грудинки, пакет фасоли, связку овощей... И вдруг, стоя с тележкой у прилавка с фруктами – горы апельсинов, лимонов, грейпфрутов, – вздрогнул. Как будто кто-то невидимый, неведомый провел у него по лицу прохладной ладонью.

Этот цвет. Этот свет. Это золотое сияние...

В первое мгновение он ничего не понял, только удивился: «Что это со мной?» А потом память начала выталкивать из себя давние-давние воспоминания – сначала с трудом, медленно, а потом все быстрее. Картинки из прошлого.

...Лето. Белый песок. Солнце. Прозрачная вода, где у дна плавали какие-то мелкие рыбешки, сияя серебристыми боками...

Оцепенев, Марат стоял с тележкой посреди супермаркета. Он уже был далеко отсюда – прозрачные волны уносили его все дальше и дальше, в прошлое.

...Ее смех. Ее голос: «Марат, доплывем до горизонта!» – «До горизонта нельзя доплыть. Ты что, географию не зна-

ешь?...» Ее улыбка. Обгоревший нос. Выцветшие на солнце пряди волос. Тогда у нее были длинные волосы. Как-то она убрала их назад, и он увидел ее ухо – маленькое, аккуратное, сквозь тонкую кожу просвечивала на солнце рубиновая кровь...

Кто-то из покупателей толкнул Марата, и он очнулся.

«Она или не она?...»

Это было так давно, что прошлое можно было принять за сон. А что, если и вправду она ему приснилась – тогда, тысячу лет назад? Фантазия времен пубертата, которая – неожиданно и некстати! – настигла взрослого разумного мужчину и вновь превратила его в подростка?

«Она или не она?!..»

Это было необходимо как можно скорее проверить.

Секунду Марат еще медлил, а потом, бросив тележку посреди зала, решительно зашагал к выходу.

Жанна заглянула в «глазок» и обнаружила того самого соседа, который обошелся с ней так нелюбезно, – тот стоял на лестничной площадке, засунув руки в карманы кожаной куртки, и с хмурым, озабоченным видом смотрел куда-то в сторону, покачиваясь на каблуках.

Это очень хорошо. Если бы за дверью оказались Сидоров или Айхенбаум... Или оба сразу! Было бы намного хуже. Столько мороки...

Жанна распахнула дверь.

– Вам что? – с любопытством спросила она.

Мужчина посмотрел ей прямо в глаза и произнес серьезно:

– Вы извините, я с вами не поздоровался – это, конечно, свинство с моей стороны... Но голова совсем другим занята... В общем, еще раз простите. Я ваш сосед.

– Я знаю! – улыбнулась Жанна – все ж таки приятно, что первое впечатление оказалось ошибочным, – и пожала ему руку. – Жанна.

Он моргнул и несколько секунд стоял неподвижно.

«Нет, все-таки он какой-то странный...» – подумала Жанна. Волосы у него были коротко стриженные, темные-темные глаза, сурово сжатые губы.

– А вы меня не помните, Жанна?

– То есть?.. – удивилась она, готовая поклясться, что до своего переезда сюда никогда не видела этого человека.

– Лет восемнадцать-двадцать назад... Ейск. Вы еще со своей тетей были... – сказал странный сосед, почти с мукой вглядываясь в лицо Жанны.

«Ейск... Тетя?.. О чем это он?» Но в следующее мгновение она вспомнила.

– Ейск! Ну да, точно! – засмеялась Жанна. – Но я там была не с тетей, а со своей гувернанткой, если так можно сказать... Точно! Я вспомнила! Мне было двенадцать лет! Двенадцать или тринадцать... Ейск! Господи, а сейчас все в Турцию ездят...

Глаза соседа потеплели, и он вздохнул почти с облегчением.

– Я и вас помню! – с радостью произнесла Жанна. – Вы... господи, ну у вас имя еще такое... Незаурядное имя, словом!

– Марат, – тихо подсказал он.

– Да, Марат! Так звали героя Французской революции... Точно, Марат!

Он тоже улыбнулся – с трудом, словно не умел, а сейчас его застигли врасплох, и он невольно вынужден это делать.

– Ну надо же! Как вы меня вспомнили? – веселилась Жанна. – Просто удивительно... И вообще удивительно, что мы оказались соседями!

– Да, приятная неожиданность, – кивнул он. Что говорить дальше, он не знал. – В общем... в общем, будем друзьями. Если что, вы...

– Давай на «ты»! – сказала Жанна. – Мы же действительно друзья детства... Заходи, Марат! – Она отступила назад, приглашая его к себе.

Домашние хлопоты ее уже совершенно не интересовали.

– Н-нет... – Он как будто опешил. – Нет, мне сейчас некогда... времени нет, словом. Я на минуту только...

– Ладно, – с разочарованием произнесла она. – Но все равно, заходи ко мне как-нибудь, Марат. Я одна.

– Одна?

– Ну да, я живу тут одна! – И она, перед тем как захлопнуть дверь, помахала ему ладонью.

Потом Жанна некоторое время стояла посреди пустой прихожей, с улыбкой вспоминая прошлое. Море, смуглый серьезный мальчик, долгие разговоры ни о чем и вместе с тем – обо всем на свете. Очень невинные и трогательные воспоминания.

Марат.

Мальчик по имени Марат за столько лет не смог забыть ее. Как приятно.

Это была она. Это была она. Это была она.

Марат находился в таком состоянии, что не мог ничего делать. Не мог ни о чем другом думать – кроме того, что это была Жанна. И именно поэтому он отказался от предложения зайти к ней – находился в каком-то ступоре. Если бы он остался сейчас с ней, то неминуемо разочаровал бы ее. Он и двух слов сейчас не мог связать. Жанна подумала бы, что он безнадежный идиот.

Но это была она!

«Как странно... – думал он, упав на кушетку – прямо в ботинках и куртке. – Почему меня это так взволновало? Ну, она и она... Что теперь?»

За окном было уже темно, но свет он так и не включил.

– Зачем электричество, если светит солнце?... – торжественно произнес он вслух и засмеялся. – Ведь Жанна – это солнце. Ночь кончилась!

...История была такова: много-много лет назад он с мамой

ездил в Ейск.

Там было что-то вроде санатория или турбазы – стояли вдоль берега отдельные дощатые домики. Душ и прочие удобства – на улице. Обедали в столовой. Сейчас, наверное, мало кто согласился бы на подобный отдых, но тогда Марат воспринимал его как чудо.

Это был первый и последний раз, когда они с мамой ездили куда-то вместе. Она по случаю достала две путевки у себя на работе. Сказала: «Я буду отдыхать и отсыпаться, Марат. А ты делай что хочешь. Ты мальчик, и ты уже взрослый – стыдно было бы водить тебя за ручку...»

Мать спала до обеда, а однажды познакомилась с семьей по соседству. Вместе ходила с ними в столовую, вечерами они играли в преферанс и пили местное вино, обсуждая политическую обстановку в стране...

Марат был предоставлен самому себе, но он не жаловался. Господи, а на что жаловаться, когда он в первый раз видел море! Да еще такое замечательное – неглубокое и теплое.

...У моря, на берегу, обхватив колени руками, сидела девочка. У нее были длинные волосы – концы касались песка. Он сел рядом. «Как дела?» – «В общем, неплохо. Только скучно». – «С ума сошла?..» – «Сам ты... Тебя как зовут?» – «Марат. Марат – так звали героя Французской революции». – «Прикольно... А я – Жанна».

Жанна.

За те три недели, что они были у моря, подруг она так и не

завела. Общалась только с Маратом – благо, что тетка (только теперь выяснилось, что это была вовсе не тетка, а гувернантка) занималась исключительно своей личной жизнью.

О чем они с Жанной говорили? Нет, уже не вспомнить...

Что-то о приключениях, о кладях. О том, как где-то неподалеку на берег выбросило акулу-катрана. «Тут водятся акулы?!» – перепугалась она. «Видела бы ты ту акулу! Это ж практически селедка... Одно название только».

О фильмах, которые смотрели недавно. О школе. «Как, ты тоже из Москвы?» – «Да, а что?» Ему казалось невозможным, что она жила в том же городе, что и он.

Она была смуглой от солнца – но без того шоколадного оттенка, которым отличался он, брюнет. Огромные светло-карие глаза. Выразительный рот. У нее довольно большой рот. Однажды он хотел ее поцеловать, но так и не решился. Он был уверен, что Жанна рассердится... Она ходила в выцветшем синем купальнике. Ноги у нее были длинные-длинные и тонкие – как у жеребенка. Она была серьезной и одновременно веселой девочкой. Таких он не видел нигде и никогда. Позже Марат безумно жалел, что не поцеловал ее, – кто знает, может быть, она и не рассердилась бы?

Потом они с мамой вернулись в Москву. Боже, каким он был дураком, что не спросил ни ее адреса, ни телефона! Наверное, именно потому и не спросил, что она принадлежала этому морю и этому солнцу и невозможно было ее вообразить в слякотной суетливой Москве.

Даже то, что он влюбился, Марат понял много позже – когда с удивлением отметил, что слишком часто вспоминает о ней, о золотой девочке по имени Жанна, веселой и серьезной одновременно.

Самые чистые, самые светлые мечты – о ней. Позже, уже повзрослев, он хранил эти воспоминания, как драгоценные камни, – далеко, надежно спрятанными. И изредка доставал их, любуясь. К тому времени он уже понял, что имеет цену, а что – нет.

Марату даже в голову не приходило, что Жанну можно как-то найти – она превратилась в сон, в загадку, в фантазию.

И вот она здесь. Рядом. За соседней стеной. Одна. Звала к себе. А как обрадовалась!

Надо было идти на работу – Марат работал ночным сторожем на одном предприятии, – но все медлил. Он думал о ней – теперешней.

Самым главным было то, что Жанна совсем не изменилась. Ведь он узнал ее – практически сразу, стоило только ему пристально посмотреть ей в лицо.

Те же светло-карие ясные глаза. Длинные ресницы – тень от них падает на высокие скулы. Ямочка на щеке – когда она улыбается. Нос задорно вздернут. Большой рот. О господи...

Волосы те же, только короче, чуть ниже плеч. Очень милая прическа, кстати, – ей все равно идет. Ей, наверное, все идет!

Короткий изящный халатик с цветочным узором, ноги.

Она была босиком – узкие щиколотки, ровные колени... Господи, господи!

Марат сжал кулаки – так, что ногти впились в ладони. Думать о Жанне – теперешней Жанне – он еще не привык. Эмоции захлестывали... И немудрено – она еще лучше, чем можно было ожидать, она... она действительно – как солнце. Дивная. Милая. Лучше всех.

А та смесь серьезности и веселья? Небесная чистота, чистота в высшем смысле... Ангел. Да, она самый настоящий ангел.

И она одна.

Марат встал, подошел к окну – там, при свете фонарей, качались на осеннем ветру тополя – листва с них еще не успела облететь. Желтые листья. Огни машин. Огни реклам. Все было в золоте. Ночная Москва просто купалась в золоте.

Это был *ее* цвет.

– Сумасшедший дом какой-то! – со слезами в голосе произнесла Полина, проходя мимо Жанны. – Увидел-то всего одного таракана...

В самом деле, с самого утра контору под названием «Минерва-плюс» трясло как в лихорадке.

Двигали мебель, сворачивали ковровые дорожки, переставляли компьютеры... При всем при том работа не прекращалась ни на минуту.

Жанна временно перебралась в информационный отдел –

там, кроме Юры Пересветова, в этот день больше никого не было.

Потом у нее завис компьютер. Потом сломался телефон. Потом электричество вообще вырубил – комнаты погрузились в полумрак.

Юра Пересветов ничего не замечал – он молча продолжал работу, благо его компьютер теперь работал от зарядного устройства, автономно.

– Нет, я так не могу... – с раздражением воскликнула Жанна, отъехав от стола в кресле на колесиках. – Юр!

– Что? – не сразу отозвался тот.

– Юр, говорят, ты отсюда свалить хочешь? – негромко спросила Жанна. Спросила потому, что у нее самой сейчас возникло подобное желание.

– Ерунда, – отозвался Пересветов.

– Нет? Ну надо же, а говорили...

– Больше слушай.

Юра Пересветов многословием не отличался.

– Чувствуешь? – Жанна повела носом. – Какой-то дрянью пахнет.

– Нет.

– Мы тут сдохнем, как тараканы. Ю-у-ра! – с тоской позвала она.

– Что? Ну что тебе? – Он наконец повернулся к ней.

– Почему ты такой скучный?

Талантливый программист и выдающийся системный ад-

министратор Пересветов не успел ей ответить – в этот момент в комнату вошла Нина, бросила на свободный стол стопку папок.

– Жанна, Платон Петрович просит тебя уничтожить накладные за август.

Над конторой, как проклятие, всегда витал призрак налоговой полиции.

– А, хорошо... – согласилась Жанна. – Спасибо, Нина.

– На здоровье, – отозвалась та с мягкой улыбкой. – Юра, обедать пойдешь? Уже час.

– Час? – удивился Пересветов. – Да, сейчас иду.

Он выскочил из-за стола и побежал вслед за Ниной.

«Что-то в этом есть... – подумала Жанна. – Впрочем, ничего в этом нет. За Ниной ухаживает Гурьев. Но поскольку Гурьев на больничном (очень вовремя, как будто чувствовал, что тараканов будут морить!), то Нина просто решила пообедать с Юрой за компанию...»

Жанна положила ноги на стол, закинула руки за голову. Сегодня на ней был темно-коричневый брючный костюм и черные туфельки с блестящими пряжками – вид в высшей степени строгий, офисный.

– Жанна... – в комнату заглянул Руслан Айхенбаум. – Идем обедать.

– Да, уже пора! – из-за его спины выглянул Яша Сидоров. – Цветок ты наш лазоревый...

Айхенбаум раскрутил ее кресло. Жанна взвизгнула – но

ее вовремя подхватил Сидоров.

– Ну идем, идем, птичка... – Он принялся ее целовать – в нос, в щеки, куда попало.

– Сидоров, скотина! – Айхенбаум принялся отталкивать приятеля от Жанны. – Я тебя убью...

Потасовка была шуточной – но тем не менее у Жанны рас-трепались все волосы.

– Как же вы мне надоели! – со стоном произнесла она. – О, если б кто знал, как вы мне надоели!

Тем не менее через пять минут они вышли из здания и направились в сторону кафе, где обычно обедали. Стандарт-ный бизнес-ланч. Впрочем, большинство сотрудников хо-дили в другое кафе, попроще, но неразлучная троица себя экономией не утруждала. Люди холостые, свободные, эконо-мить ни к чему...

Пока ждали заказ, сидя у стеклянной стены, за которой виднелся шумный проспект, Жанна сказала:

– Представляете, вчера встретила своего друга детства. Мир тесен – он оказался моим соседом...

– Да ну? – ревниво воскликнул Айхенбаум.

– Я серьезно! Мы с ним в детстве дружили. Правда, недол-го...

– Первая любовь, значит, – констатировал Сидоров, вертя в руках солонку.

– Какая любовь! – рассердилась Жанна. – Все было очень невинно! Мы с ним даже не поцеловались ни разу!

– Зато теперь у вас есть шанс наверстать упущенное... – меланхолично заметил Айхенбаум.

– Перестань, Русик. По-моему, я не произвела на него впечатления. Пригласила к себе – он отказался... – пожала плечами Жанна.

– Ты? К себе? – возмутился Сидоров. – Нас ты такой милости не удостоивала!

Им принесли заказ.

– Скоро Хэллоуин, – сказал Айхенбаум, энергично расправляясь с супом харчо – он любил все острое. – Пошли?

– Куда?

– На Хэллоуин. В какой-нибудь клуб. На целую ночь!

– Руся, это не наш праздник, – напомнил Сидоров. – Холуин... Тьфу! Ну просто никакого патриотизма!

– Да, но День всех влюбленных ты признаешь! – напомнила Жанна. – Конфеты мне подарил, помнишь?..

– Я тебе тоже подарок принес... – ревниво напомнил Айхенбаум. – И вообще, Яшка, тебе ли говорить о патриотизме! Трескаешь свиную отбивную, а сам...

– А ты фашистская морда, – тут же беззлобно напомнил Сидоров. – Я только на четверть еврей.

– А я только наполовину немец! И вообще, мой папа был коммунистом, а немецкого языка практически не знал...

Они препирались, а Жанна с улыбкой глядела на них.

Сидоров с Айхенбаумом были неразлучными друзьями и выясняли отношения только для виду. Они даже были похо-

жи, словно братья, — оба высокие, атлетического телосложения, с идеально правильными, выразительными чертами лица, с одинаковыми модельными стрижками, стильно, в духе современной мужской моды одетые... Только волосы у Сидорова были каштановые, с рыжинкой — сказались дедушкины гены, вовремя оживившие тихую степную красоту рода Сидоровых. Айхенбаум же был брюнетом. Его отец чуть больше тридцати лет назад переселялся из Казахстана в Дюссельдорф, но по пути застрял в Москве, родил от москвички сына, да так и остался тут. Наша родина там, где нас любят.

И Сидоров, и Айхенбаум — оба ухаживали за Жанной.

— Русик, Яша...

— Да? — тут же отозвались они.

— Что вы думаете о Юре Пересветове?

— Зануда, — сказал Сидоров пренебрежительно.

— Точно, зануда, как и все гении... — кивнул Айхенбаум. —

Он гениальный программист, этого нельзя отрицать. Просто чудо, что он еще не сбежал от нас. Я слышал, Пересветов одному мужику написал приложение, которое при запуске выдает на экран бегущие цифровые столбцы, синие полосы прогресс-индикаторов с меняющимися процентами и тэ дэ. Теперь, когда мужику нужно отлучиться по своим делам, он запускает эту программу и обращается ко всем — «вы, типа, мой компьютер не трогайте, у меня там база данных переиндексируется!» — и отлучается по своим делам... А почему ты о Юрке спрашиваешь?

– Так... – пожала Жанна плечами.

За окнами сновали люди с зонтами, к мокрому асфальту липли опавшие листья. Жанна достала из сумочки сигарету, а Сидоров с Айхенбаумом дружно щелкнули зажигалками с обеих сторон.

– Не ссорьтесь, мальчики, у меня своя зажигалка есть, – отвела она их руки.

– Ты нас не любишь, – мстительно констатировал Айхенбаум.

– Я вас очень люблю, – сказала она, выдыхая дым.

– Тогда выходи за меня замуж, Жанночка... – быстро сказал Сидоров.

– Нет, лучше за меня! – перебил друга Айхенбаум.

– За обоих сразу? – засмеялась она.

– Только за меня! А Русик пускай женится на Нине Леонтьевой...

– На ком? На этой старой ведьме?.. – возмутился Айхенбаум. – Ну спасибо, Яшенька, друг мой разлюбезный!

– Какая же она старая? Совсем ненамного меня старше, – справедливости ради возразила Жанна. – И никакая она не ведьма, а очень милая женщина... Интересная.

– Вот именно! – многозначительно поднял палец Сидоров. – Интересная! А что такое интересная женщина?..

– Что?

– Интересная женщина – это та женщина, которая дей-

ствуется на мозг.

– Ну здравствуйте... а я тогда на что действую? – закашлялась Жанна.

– Ты – на основной инстинкт. Он древнее.

– Какой ты пошлый, Яша!

– Вот-вот, Жанна, брось его! – подсказал Айхенбаум шелковым голосом. – А я люблю тебя самой возвышенной, неземной любовью...

– Но почему вам не нравится Нина?

Сидоров с Айхенбаумом переглянулись, пожали плечами.

– Не знаю, – пожал плечами Сидоров. – Она не в нашем вкусе просто.

– По-моему, в ней есть что-то такое, неприятное, – добавил Айхенбаум. – И внешне она... похожа на сову, да, Яш?

– Она фанатичка, – согласно кивнул тот. – Очень упрямая. И взгляд у нее тяжелый.

Скоро троица вернулась на работу – там, по счастью, уже включили электричество.

Сидоров с Айхенбаумом ушли к себе, а Жанна приступила к уничтожению накладных за август.

В комнату заглянул Потапенко – юрист.

– Работаете? – кисло спросил он, мельком взглянув на Юру Пересветова, прилипшего к монитору. – А я домой сваливаю. Отпросился у Платоши...

– До свидания, Артур, – равнодушно ответил Юра Пересветов.

Потапенко остановился возле Жанны – та запихивала листы бумаги в шредер. Бумага падала в специальный отсек уже узкими полосками.

– Боюсь я этого аппарата... – пробормотал Потапенко.

– Почему? – удивилась Жанна.

– Боюсь, что затянет. И тоже в крошку меня превратит.

– Как же он тебя затянет, Артур, интересно?..

– Как-как... за галстук!

– Это фобия. Типичная офисная фобия... – пробормотал Юра Пересветов.

– Да, с этой работой с ума сойдешь! – согласился Потапенко, глядя теперь уже на Жаннину грудь. – Ну ладно, всего вам доброго...

– До свидания, Артур, – холодно ответила Жанна. Потапенко она недолюбливала – самодовольный тип. Уверен в собственной неотразимости. Очень гордился тем, что является потомком того самого Потапенко – писателя начала двадцатого века, соперничавшего с Чеховым...

Жанна покончила с накладными и села за свой стол.

И, вместо того чтобы обзванивать клиентов, вдруг стала смотреть на Юру Пересветова – благо он находился как раз напротив нее.

– Юра, все говорят, что ты гениальный программист...

– Да? – усмехнулся он, стремительно щелкая пальцами по клавиатуре. – Ну спасибо...

Юре Пересветову было далеко до плейбоев Сидорова и

Айхенбаума. Он был высок, очень худ, одевался скверно – протертые мешковатые джинсы и растянутый на локтях свитер. Из обуви предпочитал китайские кроссовки. Стричься он просто-напросто забывал – вот сейчас, например, волосы у него отросли почти до плеч. Темные, чуть выющиеся, уже наполовину седые. Перхоть. У Юры Пересветова была заметна перхоть – серебристые чешуйки ее мерцали иногда в прядях словно снежинки.

Жанна передернула плечами, но тем не менее смотреть на своего коллегу напротив не перестала.

У Юры были темно-зеленые глаза, печальные и добрые. «Кроткие глаза», – определила Жанна. Юра Пересветов много курил – пальцы его были желтоваты от никотина. Это сейчас, при Жанне, он не дымил, но говорили, что когда открываешь дверь информационного отдела, то оттуда вырывается клуб дыма. Курительную комнату Пересветов игнорировал.

Жанна никогда не обращала на Юру внимания, но сейчас словно замороженная разглядывала его. И находила, что он очень мил, несмотря на перхоть и растянутый свитер. В нем было нечто, что трогало сердце...

– Юр...

– Что? – не сразу отозвался он.

– У тебя иконописное лицо, знаешь?..

– Какое-какое?

– Иконописное. Тебе не нужен Шекспир в дореволюционном издании, кстати?..

– Нет, – лаконично ответил тот.

Потом нашарил в кармане смятую пачку сигарет и в первый раз взглянул на Жанну прямо.

– Юр...

– Что? – Он нахмурился и засунул пачку обратно в карман.

– У тебя глаза зеленые, ты знаешь?

Юра Пересветов вздохнул.

– Послушай, Жанна Геннадьевна, ты чего ко мне приста-
ла? – устало спросил он. – Тебе Руслана с Яшкой мало?

– Ты о чем? – строго спросила Жанна.

– О том, что таким женщинам, как ты, такие мужчины, как я, неинтересны. Не стоит на меня тратить время.

– Что-то я тебя не понимаю. – Жанна села прямо на его стол, положила ногу на ногу. – За кого ты меня принимаешь, Пересветов?

Щеки у него слегка порозовели.

– За очень красивую, эффектную женщину. Красивую на-
столько... – выделил он голосом, – ...настолько, что о такой
даже думать нельзя.

– Уж думать-то всегда обо всем можно! – возмутилась
она. – Я вот знаешь что о тебе сейчас подумала?

Он улыбнулся краешком губ.

– Что?

– Что ты очень хороший человек. – Она положила поверх

его руки, лежавшей на «мышке», свою ладонь. Юра Пересветов оцепенел. – И еще у тебя глаза зеленого цвета. Как крыжовник!

– Жанна... – едва слышно пробормотал он. – Жанна, ты...

Но продолжить он не успел – в этот момент в комнату заглянула Нина. Увидела Жанну на столе возле Юры – сжала губы. «Правда, похожа на сову... – неожиданно мелькнуло у Жанны в голове. – И взгляд тяжелый. Она что, ревнует? Юру? Ко мне?...»

– Юра, можно тебя на минутку? – ровным голосом спросила Нина.

– Да...

И Юра Пересветов вышел, даже не оглянувшись на Жанну.

Жанна лежала на диване, положив мокрое полотенце на лоб. Голова невыносимо болела.

Всему виной был Хэллоуин – они с Сидоровым и Айхенбаумом все-таки отправились в ночной клуб. Ничего особенного – обычная костюмированная пьянка с танцами и глупыми розыгрышами... Не страшно и даже не смешно.

«Господи, мне тридцать два года, а я веду себя точно студентка-первокурсница, впервые вырвавшаяся из-под маминей опеки! – Жанна мучилась угрызениями совести. – И эти два дурака тоже... Ну надо было им мешать водку с пивом! И пиво-то в этом клубе было дрянное...»

В это время в дверь позвонили.

Жанна с трудом поднялась, проклиная незваных гостей. Потом вдруг вспомнила – Селена Леонардовна обещала прислать своего двоюродного брата, любителя книг.

За дверью стоял мужчина очень неприятной наружности – по крайней мере такое было у Жанны первое впечатление.

– Василий Кириллович, – представился он. – Добрый день... Я что, не вовремя?

– Да нет, заходите... – уныло произнесла Жанна.

– Селена сказала, что вы хотите продать...

– Я могу и так отдать, – перебила Жанна Василия Кирилловича. – Вот сюда, пожалуйста... Выбрасывать жалко, оставлять тоже нет смысла. Тут много классики, между прочим...

Василий Кириллович остановился посреди комнаты, слегка ошеломленный. Разобранная постель, разлетевшаяся по углам одежда, коробки...

– Только что переехали?

– Да, практически... – Жанна бросила взгляд в зеркало – бледное лицо, под глазами синяки (забыла вчера смыть тушь с ресниц), спутавшиеся волосы... – Берите все, что считаете нужным. Это от моей бабушки осталось.

Она села в кресло.

Василий Кириллович принялся разбирать стопки книг. Был он среднего роста, плотный, какой-то белесый – светлые волосы, светлые брови с ресницами, щеточка светлых усов.

Одет очень прилично (уж в чем в чем, а в одежде Жанна разбиралась!), но тем резче был контраст между откровенной – а-ля рюс, лапотной какой-то – внешностью и безупречным итальянским костюмом.

– А разве вы книг не любите? – спросил он.

– Я их все давно прочитала.

Василий Кириллович посмотрел на Жанну дико. Глаза у него тоже были светлыми, белесыми...

– Но Толстой, Достоевский... – нахмурившись, произнес он. – Есть вещи, которые все время хочется перечитывать.

– Мне – не хочется, – держась пальцами за виски, безапелляционно произнесла Жанна. – Я работаю. У меня времени нет. И, вообще, я сейчас только детективы могу в руках держать... Или что-нибудь современное.

Ее совершенно не заботило, что подумает о ней двоюродный брат Селены.

– Хорошо, – сухо произнес тот. – Я возьму Тургенева, Плиния, этого вашего Шекспира... Господи, я вас не понимаю – такое издание, гравюры Доре! – вырвался у него стон.

– Ну и берите себе на здоровье, – махнула рукой Жанна, переполняясь еще большей неприязнью к Василию Кирилловичу.

– Я готов вам заплатить...

– Да не надо мне платить! – рассердилась она. – Берите все и уходите!

– Но в букинистическом ваш Шекспир потянет на...

– Нет, это невозможно... – Жанна едва не заплакала. – У меня голова просто раскалывается, а вы...

– Я не могу это взять бесплатно, – насупился гость. – Возможно, вы, Жанна Геннадьевна, не понимаете...

– У меня голова болит! – с яростью повторила она. – Если вас что-то не устраивает – уходите. Я все это завтра на помойку выкину!

Разумеется, она не собиралась ничего выкидывать, но надо же было как-то осадить этого типа.

– Куда? На помойку? – дрожащим голосом переспросил тот.

– Вы не ослышались, – злорадно произнесла Жанна.

– Вы чудовище... – неожиданно произнес родственник Селены.

Жанна опешила.

– Василий Кириллович, а вы... простите, вы кто по профессии?

– Я? Я главный экономист в...

– Нет, где именно вы работаете, меня не интересует, – перебила Жанна. – А семья, дети... у вас есть? И еще – сколько вам лет?

– Нет, семьи у меня нет. Мне тридцать пять лет. Но я не понимаю... почему вы об этом спрашиваете? – с раздражением спросил гость, моргая белесыми глазами.

– Потому что чудовище – это вы, – спокойно произнесла Жанна. – Мужчине скоро сорок – а у него ни жены, ни де-

тей! У него зануднейшая профессия, и он не любит никого и ничего, кроме книг!..

– Да с чего вы взяли?.. – возмутился Василий Кириллович. – И вообще, кто вам дал право...

– Молчите! – закричала Жанна, чувствуя, как пульсирует кровь в висках. – Вы... О, я прекрасно знаю подобный тип мужчин – бессердечных, сухих, которые, кроме своей работы и какого-нибудь скучнейшего хобби, ничего не видят... Книголюб! Шекспира он пожалел, видите ли! Да этот Шекспир уж пятьсот лет как в могиле, и еще тысячу о нем будут помнить... Кто-кто, а Шекспир в вашей жалости не нуждается! Вы меня пожалейте!..

– А вам?.. Сколько вам лет?.. – быстро спросил гость, багровея. – Где ваш муж, дети?.. Ау... Где все? – Он демонстративно огляделся. – В третьем часу дня вы еще валяетесь в постели в совершенно жутком виде...

– Вон! – закричала Жанна. – Вон отсюда!!!

– А я и не собираюсь здесь задерживаться, – торжественно произнес тот и решительно зашагал к входной двери. Принялся щелкать замками. – Еще и не выпускают, елки-палки...

Жанна мрачно наблюдала за его возней у двери, сложив руки на груди.

Василий Кириллович обернулся.

– Послушайте, Жанна Геннадьевна... – уже другим голосом произнес он. – Как все странно получается... За пять

минут мы успели разругаться в пух и прах.

– Да я вообще бы вас убила, – откровенно призналась она.

– Гм, сходное желание... – усмехнулся он. – Редко когда приходится наблюдать столь спонтанно возникшую антипатию.

– А по-моему – часто. Каждый день. Всегда. Люди не понимают друг друга, – мрачно произнесла Жанна. – Что иногда на дорогах творится...

– Это точно, – кивнул Василий Кириллович. Дернул дверь за ручку, и она неожиданно открылась. – Надо же, как просто!

Он шагнул на лестничную клетку, а потом повернулся:

– Вот что, Жанна Геннадьевна... я был не прав. Прошу извинить меня. Судя по всему, вы неважно себя чувствуете, а тут я... Можно, я к вам в другой раз загляну? Только, умоляю, не выбрасывайте ничего!

– Посмотрим, – буркнула Жанна и захлопнула дверь.

Удивительно, но перепалка с родственником Селены произвела на нее бодрящее действие. После его ухода Жанна наконец смогла привести себя в порядок. Умылась, расчесала волосы, сварила кофе...

И в этот момент в дверь снова позвонили.

Она почти не сомневалась, что это снова был Василий Кириллович. «Быстро же он вернулся... Защитник Шекспира!»

Она распахнула дверь и увидела на пороге Марата.

Он ни о чем другом не мог думать – только о ней. Уже несколько дней находился в какой-то эйфории. Он был счастлив, потому что *она* была рядом, за соседней стеной...

Несколько раз они сталкивались у лифта, и каждый раз она столь искренне радовалась встрече с ним, что у Марата перехватывало дыхание. Он едва мог произнести пару слов – «как дела», «привет», «пока»... На большее его не хватало.

То, что он испытывал к Жанне, было больше чем любовь. Нечто такое, о чем Марат раньше и не подозревал...

В последний раз она выглядела какой-то печальной, озабоченной. Махнула просто рукой и скрылась у себя. Марат сразу понял, что у нее не все в порядке. «Она одна, ей плохо, а я сижу у себя как дурак!» – рассердился он.

И в воскресенье – Жанна была дома, он это знал точно – решил нанести ей визит. Ведь она сама приглашала к себе...

Для начала он заглянул в цветочный.

– Чего желаете? – скользнула к нему продавщица. – У нас очень большой выбор сегодня, молодой человек...

– Минутку, – отстранил ее Марат, стоя посреди душного, пропитанного сладковатым ароматом помещения. – Я сам хочу разобраться...

Он не помнил, кому и когда в последний раз дарил цветы.

...Может быть, Жанна любит лилии? Белоснежные лилии? Или огромные осенние хризантемы? Яркие орхидеи? Розы? Да, пожалуй, розы – это самое оно.

Он заметался перед прилавком, на котором стояли бата-

реи роз – самые разные, любых оттенков и размеров, – и взгляд тут же остановился на золотисто-желтых, розоватых соцветиях. Ее цвет. Чайные розы.

И купил именно их.

– Марат! – обрадовалась Жанна, открыв ему дверь. На этот раз – в домашних коротких брючках и белой майке. – Маратик мой! Боже, какие цветы...

Она была бледна. Покрасневшие глаза – словно плакала недавно.

– Хочешь кофе? Идем на кухню...

Жанна поставила розы в вазу, потом налила кофе.

– У тебя все в порядке? – осторожно спросил Марат.

– Да... – улыбнулась Жанна. – Голова только немного болит. Сейчас один тип заходил, я с ним ругалась. Такой странный!

– Кто? – едва смог выдать из себя Марат.

– А... никто, – Жанна пренебрежительно махнула рукой. – Столько в этом мире идиотов! Но какие цветы... – Она откровенно любовалась букетом, стоявшим перед ней. – Чайные розы! Что-то такое... декадентское.

Марат сделал вид, что пьет кофе – на самом деле горло сковал спазм. Во-первых, он ревновал ее к «типу», а во-вторых, не понимал смысла слова «декадентское», а в-третьих, ее близость лишала сил. Сковывала.

– Завтра понедельник... – болтала она. – Ненавижу понедельники! Может быть, мне стоит сменить работу?... Ах, бы-

ла бы моя воля, я бы вообще ничего не делала... Вот ты, Марат, любишь свою работу?

– Не знаю, – пожал он плечами.

– Как это – не знаешь? – удивилась она. – Странно... Значит, любишь, если не испытываешь никаких отрицательных эмоций!

Она была так близко, что можно было поцеловать ее. Запах ее духов смешивался с запахом цветов. Бледное милое личико. Она держала чашку в руках – тонкие запястья, длинные ногти, покрытые розовато-бежевым лаком...

– Марат, расскажи о себе. Как ты живешь?

– Нормально, – пожал он плечами. – А ты?

– Тоже ничего... – засмеялась Жанна. – Где твоя мама?

– Мама умерла несколько лет назад.

– О, прости...

– Ничего. А у твоей мамы как дела? Ты, правда, никогда не говорила о ней...

– Моя мама – Ксения Дробышева! – весело произнесла Жанна. – Певица. Исполняет русские народные песни.

– Та самая?

– Ага! Я не всем в этом признаюсь, но от тебя скрывать не стану... Мама вечно занята. Помнишь, тогда, в детстве – я была не с ней, а с гувернанткой?..

– Да, да...

– Мама моя – еще ого-го! Собирается снова замуж. Ты знаешь, за кого?

– Нет, – покачал головой Марат, не отрывая глаз от губ Жанны.

– За Сэма Распутина. Это виджей на музыкальном канале. Стоит перед камерой и болтает всякую чепуху. Ему, между прочим, двадцать четыре... Ты чувствуешь, какая у них разница в возрасте?..

Жанна болтала и болтала, а Марат все смотрел на нее, не отрываясь.

Чайные розы стояли перед ними на столе...

Перед гигантской деревянной дверью, узорной, с железным орнаментом, больше напоминающей ворота готического собора, стояли двое: Юра Пересветов и его отец. Юра казался клоном своего отца, только в два раза моложе того.

Горели оранжевые фонари, и мела легкая поземка.

Из подъезда выскочила Жанна – на шпильках, в распахнутой легкой дубленке, золотые кудри поверх пушистого воротника. Едва не поскользнулась – Юра едва успел подхватить ее за локоть.

– Осторожней...

– Юр, какой ты милый! Ты меня просто спас... А это твой папа? Очень приятно...

Она, то и дело оглядываясь на ходу, пошла к своей машине.

– Кто это? – спросил отец.

– Жанна.

– Очень-очень красива.

– Не ты один так считаешь... – усмехнулся Юра.

Снег падал на ее золотые волосы. Она засмеялась, пома- хала им издалека рукой. Юра махнул в ответ.

– Невероятно хороша.

– Да это я понял... Но что ты об этом думаешь?

– Это не твое, – пожал плечами отец.

– Почему?

– А разве ты сам не понимаешь?

– Ну, в общем...

– Эта твоя Жанна – муки и страдания. А с Ниной все по- другому. Нина о тебе будет заботиться. Будь реалистом.

Из подъезда выскочили Сидоров с Айхенбаумом.

– Жанна, стой! – крикнули они на бегу.

– Вот именно поэтому... – тихо произнес отец, провожая их взглядом.

А потом из двери вышла Нина.

– Ты куда? – спросил Яша Сидоров, распахнув переднюю дверцу.

– Домой. Все, пока, мальчики...

– Жанна, у меня гениальная идея, – сказал Руслан Айхен- баум, заглядывая в машину с другой стороны. – Я знаю одно очень хорошее место...

– Мне некогда, – покачала она головой. – Нет, нет, только

не сегодня.

– Ну, как знаешь... – обиделся Сидоров, и они с Айхенбаумом, недовольно переглянувшись, ушли.

А Жанна сидела, положив руки на руль, и издалека смотрела на Юру Пересветова.

Мелкий снег сыпался у него перед лицом, делая черты лица смутными, смазанными... Но Жанна все равно смотрела на него – благо, он уже отвернулся и говорил со своим отцом. Смотрела, не моргая, пока на глаза не навернулись слезы.

«Что со мной? Почему я все время думаю о нем? Почему – о нем?»

Жанна хотела сформулировать для себя, почему негоже ей было держать все время в голове образ невзрачного, странного мужчины, пусть даже трижды талантливое программиста... И внезапно поняла – она не может сказать о нем, что он невзрачный, странный или неряшливый. Юра Пересветов был удивительным человеком. И он нравился Жанне – вместе со своими странностями, растянутым свитером, китайскими кроссовками, прокуренными желтыми пальцами и даже перхотью.

Когда Жанна осознала это, ей сделалось страшно. До того она относилась к противоположному полу очень избирательно, и любая мелочь, любая несуразность могла оттолкнуть ее – во внешности, в словах, во взгляде мужчины... Но Юре Пересветову она простила все, она приняла его целиком и полностью.

– Люблю... – пробормотала Жанна, кончиком пальца смахнув у себя со щеки слезу, и тут же засмеялась. – Надо же, я люблю его!

Открытие это поразило Жанну своей простотой. Господи, да она же давным-давно могла догадаться, что любит Юру Пересветова!

В этот момент появилась Нина Леонтьева – в длинном темном пальто, меховом берете, стекла ее очков призрачно блеснули при свете фонарей. Юра и его отец взяли Нину под руки, и они все вместе дружно направились куда-то.

Жанна вцепилась в руль.

– А как же Гурьев?.. – пробормотала она растерянно.

– А я вас жду, жду... – Дверь распахнула Раиса Романовна в бархатном, с блестками, платье.

– Мама, это Юра, а это Олег Иванович, – представила гостей Нина.

В большой комнате был накрыт стол.

– Вот это да... – тихо произнес Юра. – Раиса Романовна, вы потрясающая хозяйка.

Салаты в хрустальных ковчегах, заливное, домашние пироги...

Олег Иванович просто онемел. Потом наконец тоже тихо забормотал:

– Господи, зачем же?.. Стоило ли так стараться? Раиса Ро-

мановна, Ниночка...

– Будет вам, Олег Иванович! – потупилась хозяйка. – В кои-то веки к нам такие гости приходят...

– Мама... – едва сдерживая раздражение, прервала ее дочь.

«Нет, кажется, я все это зря устроила, – подумала Нина. – Можно было и без родителей обойтись!»

Сели за стол. Нина решительно, не давая матери открыть рот, заговорила о погоде, потом о новом фильме, который только что вышел на экраны. Юра молчал, ел, и вид у него был довольно унылый. «Да, все эти церемонии не для него...»

Олег Иванович, немного освоившись, начал вспоминать, как он в студенческом стройотряде ездил на картошку и потерял в поле командирские часы, оставшиеся от деда. Раиса Романовна принялась ахать и ужасаться столь невосполнимой потере.

Нина шепнула Юре на ухо:

– Пойдем отсюда!

– Куда? – удивился тот.

– Ты хочешь остаться?

– Нет, лучше пойдем! – Юра принялся быстро доедать заливное. Подумав, положил себе на тарелку еще винегрета. Нина улыбнулась, глядя на него. – Я сейчас...

Они незаметно выскользнули из квартиры, спустились по лестнице этажом ниже. Нина открыла чужую дверь, втянула

за собой Юру.

– У меня здесь подруга живет. Она сейчас в отъезде, я к ней захожу цветы поливать...

Нина включила торшер, села на диван.

Юра медленно приблизился к ней, сел рядом, обнял за плечи.

– Нина, мне иногда кажется, что мне снится сон... – прошептал он.

– Какой сон? – засмеялась она.

– Ты удивительная женщина... Умная, красивая. У тебя чудесная мама!

– Ты тоже умный и красивый. У тебя чудесный папа.

Она отложила очки в сторону и поцеловала Юру. Он обнял ее еще сильнее, и нечто вроде стоны вырвалось у него:

– Если бы ты знала... Мне с тобой так хорошо, так спокойно! Я тебя люблю...

Было тихо, очень тихо – и лишь их прерывистое дыхание.

Потом она лежала у него на плече, разглядывая потолок, по которому бежали тени. «Он слишком худой... Но ничего, мы с мамой его откормим. Волосы... Нет, определенно с его волосами надо что-то делать! Отведу к Лизочке, у нее чудо как хорошо удаются мужские стрижки. Куплю специальный шампунь, лечебный... И постепенно отучу его от сигарет – он просто пропитался весь никотином!»

Для Зины Рутковской настали горячие денечки.

Она решила заказать для офиса рождественские венки, те самые, которые было принято на Западе вешать на двери, на стены – не так давно эта традиция перешла и к нам. Еловые ветки, перевитые лентами, колокольчиками, искусственными цветами, еще бог весть чем...

В среду венки наконец привезли, и Зина, появившись в «Минерве-плюс» задолго до прихода всех остальных сотрудников, усердно развешивала эти веночки – куда только можно, заполняя любое свободное пространство.

Помогал ей охранник – Борис Борисович Нечаев, он же румяный Барбарисыч. Вбивал гвозди, потом достал стремянку и принялся развешивать под потолком блестящие гирлянды – Зина нарадоваться не могла. Обычно сотрудники относились к ее деятельности весьма критично, иногда даже занимаясь откровенным вредительством. Вот, например, расставила она в одном из помещений душистую пеларгонию, то бишь герань (очень от моли помогает) – так нет, эти нахалы Сидоров с Айхенбаумом герань взяли и загубили. Выплескивали в горшки с цветами остатки кофе, чая, еще какую-то дрянь туда бросали... Естественно, герань зачахла.

Зина еще много чего могла припомнить своим коллегам, но, к счастью, она была человеком незлопамятным и старалась концентрироваться только на хорошем. Вот и сейчас она искренне радовалась помощи Барбарисыча.

«А он ничего... – неожиданно подумала она, глядя снизу вверх на конторского охранника, который, балансируя на

стремянке, тянул под потолком гирлянды. – Симпатичный. Добрый... И всего-то на два года меня моложе!»

Зине Рутковской было двадцать восемь – возраст, еще очень далекий от преклонного. Но она принадлежала к тому типу женщин, которые даже в юности выглядят старыми. Цвет лица у нее был неровный (Зина хоть и самоотверженно, но безуспешно боролась с угрями), глаза вечно слезились (хронический конъюнктивит) – посему она контактных линз не могла использовать и ходила в очках, которые ей не шли (в отличие, например, от Нины Леонтьевой, которая выглядела в них такой милочкой!). Очки еще, ко всему прочему, искажали боковое зрение, и Зина все время спотыкалась, роняла что-то – в общем, со стороны она казалась особой суетливой и бестолковой, и однажды Платон Петрович Крылов в сердцах назвал ее «глупой курицей» – это когда на него упало в коридоре мозаичное панно «Битва при Грюнвальде», только что установленное Зиной.

Зина долго плакала в подсобке, потом пришел Крылов и тоже долго, вздыхая, извинялся за «курицу»...

Так вот, красавицей Зину назвать было трудно. Зато у нее была роскошная рыжая коса!

– Кто-то умер? – вздрогнула Жанна, увидев висящий на входной двери огромный венок.

– Свят-свят-свят! – засмеялся Яша Сидоров. – Это, наверное, Зиночка наша расстаралась... Называется – рожде-

ственный венок.

— Очень уж похож на похоронный... — пробормотала Жанна, с мистическим страхом разглядывая еловые ветки, перевязанные красными лентами. — Интересно, где она его заказывала?

— Гнать ее надо в шею! — сурово заявил Айхенбаум. — Толку от этой Зины никакого. Помните, она нас какой-то геранью травила? Я чуть не сдох от этого запаха...

— Платон Петрович ее не уволит, — возразила ему Жанна. — Он ее жалеет.

— Лучше бы нас пожалел! — захохотал Сидоров, нажимая на звонок. — И вообще, *наше* Рождество еще нескоро... Айхенбаум, или ты, как немецкий протестант, будешь мне возражать?..

— Я православный! — возмутился Руслан. — А тебе стыдно... Каббалист!

— Да за такие слова...

Барбарисыч, с ожерельем из мишуры, распахнул им дверь.

У входа стояла искусственная ель, напоминая о том, что скоро Новый год.

— Ноги вытирайте! — выглянув из-за угла, раздраженно закричала Людмила Климовна, техничка. — Боря, чего они у тебя прямо с улицы в помещение прутся?..

— Очаровательно... — ядовито произнесла Жанна. — Вы, Людмила Климовна, с утра задаете трудовой настрой.

— Я тоже человек, между прочим! — огрызнулась технич-

ка. – У меня, между прочим, уже руки отваливаются за вами грязь убирать...

Техничка грубила всем подряд, но Платон Петрович Крылов тоже не мог уволить ее, поскольку у Людмилы Климовны был пьющий зять, трое внуков и больная дочь. Она, Людмила Климовна, была единственной добытчицей в семье...

Жанна прошла к себе в комнату, поздоровалась с Кариной, которая усердно пудрилась перед зеркалом.

– Как там наш Котик поживает?

Котик – сын Карины, в первоначальном варианте – Костя.

– Прекрасно... Отведу его сегодня к бабушке, – озабоченно ответила Карина. – Ты в курсе, что вечером наши решили устроить небольшой сабантуй?

– Серьезно? – удивилась Жанна. – Платоша же запретил распитие спиртных напитков в офисе!

– Платоша свалит сегодня пораньше – у него с супругой билеты на «Щелкунчика».

Жанна повесила свою шубку в стенной шкаф. Зеркало на дверце отразило ее – в бледно-розовом свитере с мягким широким воротом, темно-синих широких брюках. Вообще, можно было одеться и поэффектнее в честь Нового года, но утром Жанна проспала и выскочила из дома в том, что под руку попало.

– Ты будешь участвовать?

– Что? – вздрогнула Жанна.

– Я говорю, ты будешь участвовать в посиделках? – пере-

спросила Карина.

– Я? Не знаю... – Первая мысль у Жанны была о Юре Пересветове. – А все будут?

– Кажется, все... Кроме Потапенко и еще, кажется, Рыльцевой из бухгалтерии. Можно было, конечно, снять на вечер какое-нибудь кафе, но сейчас все забито, и цены дикие. Канун Нового года!

– Да, я буду участвовать, – сказала Жанна.

– Тогда носи денежку Зине, она обещала все организовать.

...В четвертом часу Платон Петрович Крылов благополучно уехал, передав бразды правления Селене Веленской. Селена немедленно дала знак Зине – и в холле принялись сдвигать столы.

Зина Рутковская с Барбарисычем в обед успели сбегать в магазин, и на столы были поставлены водка, газировка, салаты в пластиковых коробках, всевозможные нарезки...

– А шампанское? – спохватилась Веленская. – Зиночка, где оно?

– Забыла... – побледнела Зина. – Боря всю дорогу твердил, что надо бы водки взять – вот я про водку помнила, а насчет шампанского...

Чертыхаясь, Сидоров с Айхенбаумом побежали за шампанским.

...Только в пять удалось всем собраться.

– Ну, братцы, проводим старый год... – улыбнулась кукольной улыбкой Селена. – Да, Жанночка, я забыла – мой

брат заходил к тебе?

– Заходил, Селена Леонардовна, – кивнула Жанна, держа в руках пластиковый стаканчик, в котором пенилось шампанское.

– Какой еще брат? – наострили уши Сидоров с Айхенбаумом. – Селена Леонардовна, вы хотите лишить нас невесты?..

– Перестаньте! – одернула их Жанна. – Ничего с этим братом у меня не было...

Она вспомнила мужчину со светлыми, телячьими какими-то ресницами и едва не засмеялась. «Его еще как-то звали соответственно... А – Василий! Вася-Васенька, книгоман и библиофил!»

В холл зашел Юра Пересветов, молча сел на широкий подоконник.

Сердце у Жанны сжалось, а потом забилось сильнее. Стоило ей увидеть Юру, как с ней начинало происходить нечто странное. Она сама собой не владела и потому старалась лишний раз не сталкиваться с ним. Хотела выбросить его из головы, но у нее ничего не получалось – все равно она думала только о нем.

То, что у Нины роман с Пересветовым, а не с Гурьевым, знала уже вся контора.

– За старый Новый год! – сказала Жанна и чокнулась со своими неразлучными поклонниками, Сидоровым и Айхен-

баумом.

– Да, проводим его! – печально улыбнулся Гурьев, сверкая идеально ровными, вставными зубами. – Очень суматошный был год, и все никак не закончится – я вот до сих пор не могу узнать, что там с отгрузкой...

– Николай Иванович, умоляю – только не о работе! – взвизгнула Зина. – Ну хоть один вечер без этих разговоров...

Нина Леонтьева села рядом с Юрой на подоконник. Они чокнулись, тихо переговариваясь о чем-то своем.

Жанне стало совсем не по себе. Эти двое вели себя как-то отстраненно, слишком отстраненно – как обычно ведут себя в коллективе только влюбленные люди.

Жанна допила шампанское, разломилла апельсин. Сидоров с Айхенбаумом принялись дружно разевать рты.

– Русик, Яша! – засмеялась Полина, лихорадочно блестя глазами (надо было бежать домой, но она все медлила...). – Вы совсем уже!

Жанна положила им в рот по апельсиновой дольке.

От выпитого у нее зашумело в голове. «А почему бы мне не поговорить с Юрой? – вдруг пришла неожиданная мысль. – Вот возьму и скажу ему, что люблю. Может быть, у них с Ниной еще не зашло слишком далеко, может, еще можно что-то исправить... Сколько же можно молчать!»

Гурьев, старательно улыбаясь, принялся рассказывать какие-то постные анекдоты. «А ведь он ревнует... – догадалась Жанна. – Ну да, ему тоже не нравится, что Нина выбрала

Юру!» Ей до слез вдруг стало жаль Николая Ионовича.

В мире царила несправедливость.

– О чем ты думаешь? – спросил Айхенбаум, снова наливая шампанское.

– Так, ни о чем... – пожала она плечами.

– Ты грустная...

– Что год грядущий нам готовит... – пропел Сидоров. – Чей год-то? Белой овцы или желтого дракона?.. Или вы, товарищи, не верите во все эти восточные символы?..

– Не верим, – подошел к ним мрачный Боря со стаканом. – На что нам эти драконы с овцами, петухи с обезьянами? Разве мы без них плохо жили?..

Зина Рутковская включила музыкальный центр и подлетела к Боре:

– Белый танец! Боренька, потанцуй со мной...

– Я не умею, – важно сообщил тот, косясь на разложенную на столе закуску.

– А я тебя прошу! – взвизгнула Зина и чуть ли не силой увлекла охранника в сторону.

Селена Леонардовна Веленская о чем-то оживленно говорила с Кариной – та, раскрыв рот, благоговейно слушала ее.

– ...понимаешь, эти мешки под глазами можно убрать без наружных разрезов... – донеслось до Жанны.

Полина, до того бесцельно бродившая между столов, тоже подошла к Веленской.

– Селена Леонардовна, а что мне делать с губами? –

нетвердо спросила она. – Муж сказал, что у меня вечно недовольный вид – как будто я их поджигаю... Но я их не поджигаю, у меня просто они узкие!

– Поленька, у тебя чудесное личико! – возмутилась Карина. – Никогда не замечала, что у тебя узкие губы!

– Нет, можно прибегнуть к небольшой коррекции... – мягко возразила Веленская. – Ее делают посредством инъекций: специальный препарат набирают в шприц и впрыскивают под кожу тонкой иглой. Но тут, конечно, надо выбрать препарат – коллаген или гиалуроновую кислоту...

– Селена Леонардовна, я вас умоляю! – закричал Айхенбаум. – От этих подробностей у меня мурашки по спине... Яша, пригласи Селену танцевать! – шепнул он.

– А ты с Жанной? – нахмурился Сидоров.

– Да, а потом ты с Жанной, а я с Селеной...

– Вот они, мужчины, – все за нас решают! – усмехнулась Жанна. – А я с вами не хочу танцевать...

Она демонстративно подошла к Николаю Ионовичу, на которого никто не обращал внимания, и увлекла того в круг. Вблизи от Гурьева пахло валерьянкой.

– Николай Ионович...

– Да, Жанночка?

– Николай Ионович, это несправедливо! – вырвалось у нее. – Вы замечали, как неправильно устроен мир?..

– Увы! – вздохнул тот и покосился на Нину.

– Может быть, попробуем изменить его?

– О чем вы, Жанночка? – уныло спросил Гурьев.

– Пересветов, тебя Климовск вызывает – подойди, пожа-
луйста! – крикнул кто-то из коридора.

У Жанны между лопаток пробежали мурашки.

– Идите к ней, Николай Ионович! – яростно прошептала
Жанна ему на ухо.

– К кому, Жанночка? – растерянно спросил тот.

– Господи, да вы как дитя малое... – Она толкнула его в
сторону Нины, которая сидела на окне одна, глядя вниз, где
переливался огнями в ночных сумерках проспект.

– Жанна! – спохватившись, позвал ее Айхенбаум.

– Русик, я сейчас... – Жанна, не оборачиваясь, скользнула
в коридор.

Пробежала по пустому коридору до комнаты, в которой
располагался информационный отдел, осторожно заглянула
внутрь.

Юра был один.

– ...хорошо, я вам перешлю все после праздников по элек-
тронной почте. Не за что. Да, и вам того же... С наступаю-
щим. Всего доброго... – он положил трубку.

Жанна скользнула внутрь и закрыла за собой дверь.

– Юра, умоляю, выслушай меня!

– Что за таинственность?.. – недовольно пожал он плеча-
ми.

– Юра... – Она подбежала к нему, схватила за плечи. Пе-
чальные темно-зеленые глаза смотрели на нее растерянно и

удивленно. — Юра, я тебе должна кое-что сказать!

— Это срочно? Послушай, сейчас не совсем удобно...

— Юра... — точно заклинание Жанна вновь повторила его имя. — Есть одна вещь, которую ты должен знать. Мне кажется, если ты об этом узнаешь, то все будет по-другому...

— О чем я должен знать? — тихо спросил он. Телефон за его спиной затрезвонил, но он, не оборачиваясь, снял и снова положил трубку на рычаг. — Я тебя слушаю.

— Я. Тебя. Люблю, — отдельно произнесла Жанна.

В лице Пересветова что-то дрогнуло.

— Ты слышишь? Я тебя люблю... — Жанна хотела обхватить его за шею, но он отвел ее руки.

— Жанна, не надо.

— Но... почему? — удивилась она. — Я тебе не нравлюсь?

— Ты мне очень нравишься. Ты... Наверное, нет такого человека, которому бы ты не могла понравиться. Но ты меня не любишь.

— Что?! — возмутилась Жанна. — Да я только о тебе и думаю все последнее время!

— Это каприз...

— Какой еще каприз?

— Твой! Твой каприз. Я — твой каприз, Жанна.

— Я не понимаю... Но что в этом плохого?

— Для тебя — ничего. Но скоро я тебе надоем, и ты меня бросишь. Так что давай не будем тратить времени.

— Да что ты такое говоришь! — Она толкнула его в грудь. —

Ужас какой-то... бред! Я тебя люблю, я никогда тебя не брошу!

Пересветов улыбнулся уголками губ – дивное, иконописное, строгое лицо, на которое невозможно было смотреть без волнения.

– Мы очень разные. Мы никогда друг друга не поймем. Да, ты красива, но твоя красота для меня будет наказанием... Неужели ты не понимаешь, что ты можешь выбрать другого мужчину? Богаче, интересней, умней?.. Да ты... Ни один артист, ни один дипломат, ни один банкир не устоит перед тобой!

– Ты – самый интересный и умный... – Слезы неожиданно полились у Жанны из глаз. – Ведь есть любовь... Ты хоть знаешь, что это такое?.. Тут уж ничего не имеет значения – ни деньги, ни слава... Ничего!

– Ты необыкновенная женщина. – Пересветов взял Жанну за руки и повернул их ладонями вверх. – Я сойду, если скажу, что ничего к тебе не чувствую... Но я ни за что не поверю, что ты вот этими своими ручками будешь варить для меня борщ и стирать мои рубашки... Нет, это ерунда – есть стиральные машины и кафе, в которых можно перекусить, – тут же поправил он себя. – Но я не представляю тебя в роли своей жены. Несколько дней, ну, может быть, недель безумного счастья – а потом я тебе надоем. Я ведь очень обыкновенный человек, Жанна, и не стыжусь в этом признаться.

– А кого ты видишь своей женой? Нину? – мрачно спро-

сила она. Там, за дверью, раздавался хохот и гремела музыка.

– Да, Нину, – спокойно согласился Пересветов. – Мы, кстати, уже договорились с ней, что весной... ну, в общем, весной мы собираемся пожениться. Только это пока секрет.

Жанна вытерла слезы.

– Она плохая, эта твоя Нина, – с ненавистью произнесла Жанна. – Она тебя убьет.

– Что? Жанна... – Пересветов тихо засмеялся. – Ты как ребенок... Нет, я понял – ты просто пьяна! Ну зачем ей убивать меня?

– Не в прямом, а в переносном смысле. Потому что... Ах, господи, да у вас с ней все на расчете держится! Называется – встретились два одиночества...

– А что в этом плохого? – усмехнулся он. – Говорят, браки по расчету – самые крепкие. Нина меня понимает, а я – ее. Нам очень хорошо, спокойно вместе. Нам нравятся одни и те же вещи, мы одинаково думаем.

– Она начинает фразу, а я ее заканчиваю... – иронично произнесла Жанна.

– Да, именно так, – легко согласился Пересветов.

– Но это – не любовь! – яростно возразила Жанна. – И, вообще, любят не за что-то, а... любят, потому что любят! И тут уж не важно, какой человек – умный или глупый, красивый или некрасивый... Для любви нет причин! А если они есть, эти причины, то это уже не любовь, а расчет.

– Но ты мне так и не объяснила, что плохого в расчете? –

Юра тоже уже начал злиться.

– Потому что жизнь – одна! И никто не говорил, что любовь – это счастье... – Жанна вся дрожала от какого-то возбуждения. – Но она – как истина! Та высшая истина, ради которой можно пойти на смерть! А ты о каких-то удобствах... Ты знаешь, что об этом говорил апостол Павел?

– Нет, – покачал головой Юра, с сожалением глядя на Жанну.

– Вот послушай... – Она прижала пальцы к вискам и закрыла глаза. – Я это наизусть помню, слово в слово: «Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я – медь звенящая или кимвал звучащий. Если я имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всякую веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, – то я ничто».

– Вот видишь... – Юра взял ее за руки. – Ты удивительная женщина. Страстная, яркая. Умная – цитируешь вон наизусть... А я ничего этого не знаю. Неужели ты не видишь, насколько я прост?

– Так ты меня не любишь? – в отчаянии спросила Жанна.

– Ты огонь, а я вода... – пробормотал Пересветов. – Если сюда кто-то войдет, будет нехорошо. Нина не простит меня. А я очень не хочу ее терять.

– Но ты не сказал...

В коридоре послышались чьи-то шаги.

– «Сердце красавицы склонно к измене...» – зычно запел

Айхенбаум.

– Юра, ты не сказал!

Пересветов посмотрел ей в глаза и ответил просто:

– Я не люблю тебя.

...Полина, скинув туфли, под музыку плясала на столе и то ли плакала, то ли смеялась. Гурьев вздыхал, со страхом глядя на нее, а все остальные шумно обсуждали что-то в стороне, то и дело заливаясь хохотом.

– Жанна! Ты где была, Жанна?..

– ...а крокодил Гена и говорит...

– ...нет, вы не представляете, что мне она на это ответила...

– Жанна, присоединяйся!

Не обращая ни на кого внимания, Жанна стащила Полину со стола. Полина икала и пыталась отбиваться.

– Ты в курсе, который час? – строго спросила Жанна.

– По... последний час! – Полина рыдала и смеялась одновременно.

– Я так думаю, что тебя дома заждались, – напомнила Жанна – в некоторых случаях церемонии были ни к чему.

– Жанночка, ты не понимаешь... – Полина повисла у нее на шее, обливаясь слезами. – Это не жизнь, это ад! Я сама знаю, что мне надо бежать домой, но не могу... Я обещала Владику, что буду до шести. Он мне голову оторвет! К девяти придут гости, и мне надо... Господи, я отключила сотовый,

отключила городской! Владик наверняка мне звонит...

У Полины была самая настоящая истерика.

Жанна потащила ее в туалетную комнату, умыла.

– Сейчас вызову такси, и ты поедешь домой, – холодно сказала она. – А я позвоню твоему Владiku и скажу, что Платоша загрузил нас всех срочной работой, никого не отпускал. Вот лекарство – говорят, помогает в таких случаях...

– Что это? – с ужасом спросила Полина, с трудом фокусируя свой взгляд на стакане, в котором кружилась шипучая таблетка.

– Это от алкогольного опьянения... Да держись же на ногах, горе ты мое!

Скоро приехало такси, и Жанна поручила Гурьеву проводить до него Полину. В Жанне кипела холодная ярость.

– Яша, пока...

– Ты куда? – побежал за ней Сидоров.

– Домой, куда же еще!

Она не могла больше здесь оставаться, не могла видеть Юру Пересветова. Жанна себя ненавидела.

Селена Леонардовна, хохоча, танцевала с пунцовым Барбарисычем.

Зина Рутковская смотрела на танцующих из-за очков широко открытыми, неподвижными глазами. В руках у нее была вилка, а на вилку насажена шпротина, с хвоста которой капало золотистое масло – прямо Зине на колени.

– Поехали со мной! – предложил Сидоров.

– Куда?

– На дачу. Только ты и я. К черту Русика...

Был великий соблазн согласиться.

– Нет, – наконец сказала Жанна. – Ко мне мама должна приехать. Мама – это святое.

– А-а... – с разочарованием протянул Сидоров.

Никакой мамы, конечно, не было.

Ксении Дробышевой было жаль тратить роскошную праздничную ночь на визиты к родственникам. С двенадцати до половины второго она должна была петь в каком-то модном заведении (за это очень хорошо платили), а потом собиралась до утра веселиться в нем же, в компании звезд эстрады и прочих знаменитостей. Об этом Дробышева сообщила дочери за несколько дней до Нового года. Мать обещала Жанне, что непременно приедет к ней как-нибудь после.

– ...Нет, не первого – первого я буду отсыпаться, разумеется, а второго. Да, именно так – второго января.

– А стоит ли? – вздохнула Жанна, поскольку визиты матери больше напоминали инспекцию налоговой полиции.

– Что значит – «стоит ли»?! – возмутилась Ксения Викторовна. – Мы же не чужие, в конце-то концов... И потом, мне интересно, что ты сделала с квартирой. Кстати, я приеду не одна.

– То есть?

– Сэм хочет на тебя посмотреть. Я тебе не говорила, что

мы с ним собираемся официально расписаться? Ну, так вот, ты должна познакомиться со своим будущим отчимом!..

Таким образом, Жанна обманула своего друга Сидорова. В эту новогоднюю ночь она никого не ждала.

Даже больше того – она не хотела никого видеть, исполнившись ненависти к себе. Так унизиться! Так унизиться перед каким-то жалким сисадмином, неряшливым, никчемным человечком, застрявшим где-то в виртуальной реальности и не способным оценить ее любовь...

«Он еще пожалеет! Его бог накажет... Унылой, тоскливой, скучной жизнью! О, он поймет, что потерял...»

Примчавшись домой, Жанна включила телевизор на полную громкость, налила себе шампанского, сразу же выпила полбутылки.

На экране мелькали веселые лица, Ксения Дробышева пела «Валенки» – шел «Голубой огонек». «А, ну да, это же в записи...» – сообразила Жанна.

Она переключила канал и закурила, пуская дым в потолок.

Зазвонил телефон – Жанна выдернула шнур из розетки. Потом отключила и сотовый. Она не хотела ни с кем говорить – в памяти стояло лицо Юры, когда тот произносил сакраментальную фразу: «Я тебя не люблю».

Я тебя не люблю...

– Умереть, что ли? – засмеялась Жанна и принялась допивать шампанское прямо из горлышка. Разумеется, все вы-

лила на себя.

Переделалась в золотисто-розовое, с рюшами и оборочками платье, накрасила губы яркой помадой...

За окнами шел снег, то и дело вспыхивали разноцветные огоньки петард. Прошлась с сигаретой по комнатам, ничего интересного не обнаружила. «Нет, я так с ума сойду!»

Решение пришло неожиданно...

Иногда, очень редко – жизнь вдруг начинает напоминать сон, в котором сбываются все мечты. Самые дерзкие, самые невероятные желания обрастают плотью, обретают зримые контуры – и тогда держись, не теряйся, успеешь схватить мечту за хвост...

В эту ночь Марат никого не ждал, он даже не надеялся, что Жанна о нем вспомнит, – такие девушки, как она, в новогоднюю ночь не остаются одни.

Можно было даже попытаться представить, как Жанна проводит это время – в веселой компании, среди каких-нибудь знаменитостей... да, а что, ведь ее мать – сама Ксения Дробышева! В красивом месте, среди невообразимых интерьеров, попивая баснословно дорогое французское шампанское, закусывая устрицами, каперсами и артишоками... На большее воображения Марата не хватало, а то, что из себя представляют каперсы и артишоки, он представлял весьма смутно.

В половине двенадцатого в дверь позвонили. Он заглянул

в «глазок», и вдруг мучительно сжалось сердце...

– Жанна?.. – тут же распахнул он дверь.

– Не помешаю? – засмеялась она. В фантастически красивом платье, блестящих босоножках, завитки золотистых волос у щек... Марат даже сощурился, словно нечаянно взглянул на солнце.

– Что ты... нет, конечно! – Он пропустил ее. – Я... я просто не ожидал.

– Ты один? – Жанна прошла в комнату, огляделась.

– Да.

– У тебя мило. Все так просто... – она села на узкую кушетку, застеленную клетчатым одеялом.

«Просто...» – усмехнулся он. Его простота – это бедность. Стол, стул, узкая кушетка, телевизор на полу, занавеска на окне из марли...

– Я бы тоже хотела так жить.

– Ты шутишь?

– Нет, правда. – Жанна посмотрела ему в глаза. И Марат увидел – она не придумывает. – С тобой можно немного посидеть? А то одной так скучно...

– Одной? – удивленно переспросил он.

– Ну да... Я, наверное, единственный человек в Москве, который решил не отмечать Новый год.

– А я – второй человек, – тихо произнес он. – Но раз мы вместе... Хочешь чего-нибудь?

– Да! – обрадовалась она.

Он принес шампанского, миску с мандаринами, поставил в центре стола еловую ветку в бутылке из-под газировки.

– Как здорово! Маратик, честное слово – у тебя так хорошо!

– Я не знаю, понравится ли тебе... – с сомнением пробормотал он, разливая шампанское в обычные стаканы. – Это обычное, «Советское»... Полусладкое.

– А почему мне может не понравиться?.. – бурно возмутилась Жанна.

Марат пожал плечами, протянул ей полный стакан, сел рядом.

– За наступающий... – Они чокнулись. – Я тут думал о тебе недавно.

– И что?

– Ну, как ты проводишь время... В каком-нибудь красивом месте, среди известных людей... Пьешь французское шампанское, а не эту газировку.

Жанна так засмеялась, что Марат уже был готов обидеться.

– Маратик, милый... О, если б ты знал! – В ее голосе было столько едкой горечи – он тут же забыл о своем намерении. – Я так далека от всего этого... И потом, взять то же французское шампанское – оно, хоть и считается настоящим, мне совсем не нравится. Может быть, я чего-то не понимаю, но, по моему, оно – страшная кислятина... Я вообще не люблю сухих вин, пусть они трижды считаются натуральными и пра-

вильными! А насчет моей мамы... Нет, лучше не будем об этом! – Жанна махнула рукой.

Марат с изумлением глядел на нее.

– Ты любишь зиму, Марат? – Она решила сменить тему.

– Да, наверное... – пожал он плечами. На самом деле ему было все равно – лето, зима ли... Если *она* будет рядом, то все остальное не имеет никакого значения.

– Я тоже люблю. Ранние сумерки, фиолетовое вечернее небо, желтые окна... Снег. Иногда Москва просто тонет в снегу, и это так здорово! Помню, в прошлом году я едва откопала свою машину – такой накануне был снегопад... Эти елки искусственные в витринах! Кафе, магазинчики, ресторанчики, галереи... Все в огне, в гирляндах, все так манит! Кажется, зайдешь куда-нибудь – а там тебя ждет что-то необыкновенное, интересное... то ли встреча какая-то особенная, то ли особенное событие, о котором не забыть до конца жизни. Идешь на концерт, потом до утра гуляешь в клубе. А подарки? Эти милые безделушки, без которых не обойдется ни один современный человек, – телефончики, карманные компьютеры, которые могут поместиться на ладонке, цифровые камеры, еще бог знает что... И кажется – какая прелесть эти умные игрушки, уж с ними-то жизнь точно станет счастливой и ярче!

Марат заворуженно слушал ее. Половина из вещей, о которых она сейчас говорила, в силу обыкновенной бедности была недоступна для него, но какое это имело значение?.. Он

слушал болтовню Жанны словно песню или сказку. Ну да, именно сказку, рассказываемую в Сочельник!..

– Помню, на день рождения Сидоров с Айхенбаумом подарили мне крошечный плеер – вот такой, ей-богу! – Она показала размеры. – Ну и что толку?.. Теперь, говорят, есть модели еще меньше, вообще с мизинец! И вот бродишь, бродишь по магазинам, ищешь подарки – для других, для себя, выбрасываешь кучу денег, убиваешь целые вечера на посиделки в этих кафе и клубах... Москва, зима, ожидание чуда! И что?

– Что?.. – переспросил Марат, раздумывая, стоит ли ему спросить о том, кто такие эти Сидоров с Айхенбаумом.

– Да ничего! – закричала Жанна уже совершенно другим голосом – сердито и с досадой. – Ни-че-го. Пустота! Любишь того, кто тебя не любит, а тебя любит тот, кто тебе и задаром не нужен... К чему этот снег, эти фиолетовые сумерки, эти огни?!

– Я не знаю, – честно ответил Марат.

– Налей еще... – Жанна протянула ему пустой стакан.

Марат налил шампанского. Потом снова сел рядом с ней. Жанна положила ему голову на плечо – так просто, словно он был ей родным.

– Маратик, милый...

– Что, Жанна? – с трудом произнес он.

– Ты такой хороший... Нет, даже не так – ты удивительный. Настоящий друг. А лучше всего то, что тебе ничего от

меня не надо... Все так надоели! Вот взять, например, Сидорова с Айхенбаумом! Они твердят, что любят меня, просто замучили... Но я на сто процентов уверена, что они и не подумают на мне жениться, если я соглашусь, – с азартом заявила она. – Это страшные люди! Нет ничего хуже этих милых современных плейбоев, этих очаровательных холостяков, которые обещают горы золотые, а на деле боятся пожертвовать и малостью... О, эта их личная свобода, их внутреннее пространство, куда они никого не пустят ни за какие коврижки!

– Ты хочешь замуж? – спросил Марат.

– Я? – Жанна задумалась. – Нет, ни за что... За тех, кого знаю, – нет, никогда! Только... – Она подняла голову, посмотрела ему в глаза. – Вот за тебя бы я вышла. Возьмешь меня замуж – а, Марат?..

«Возьму, – хотел сказать он. – Да что замуж, я жизнь за тебя отдам!»

Но от волнения ему перехватило горло, он просто сидел и смотрел на нее неподвижными глазами.

Мгновение Жанна медлила, потом засмеялась:

– Господи, Маратик, я пошутила! Все, все, не смотри на меня так! Ты такой честный, добрый... еще согласишься из жалости, а потом будешь всю жизнь со мной мучиться!

«Никогда, ни одного дня – не буду жалеть! Ни минуты и ни секунды...» – рванулась к ней его душа.

Но Жанна уже спала на его плече, уронив руки себе на

колени.

Марат засмеялся едва слышно, боясь нарушить ее сон. «Она очень несчастна... И она считает меня единственным своим другом!»

Он осторожно соскользнул с кушетки, подложил ей под щеку подушку, укрыл одеялом. За окном непрерывно вспыхивали фейерверки – было светло как днем.

Это был лучший Новый год в его жизни. Счастливейший день...

Он коснулся губами ее щеки.

– Спи...

О чем-то большем он и не мечтал. Он знал, что рано или поздно она сама протянет к нему руки и сама, добровольно, отдаст ему все. Зачем торопиться, зачем нарушать очарование этой ночи, зачем ее слова – «Марат, ты настоящий друг!» – превращать в ложь?.. Не стоило уподобляться неизвестным ему, но глубоко неприятным Сидорову с Айхенбаумом – Марат это мгновенно понял. Когда она проснется, то будет ему благодарна еще больше.

– Я тебя люблю, – едва слышно произнес он, поправляя прядь ее волос. Увидел ее ухо – маленькое, аккуратное. Золотая сережка с темно-желтым камешком...

Он сидел рядом с ней и вдруг вспомнил свое прошлое – скучное, несчастливое. Жизнь в ожидании чуда – как сказала бы она.

...Его мать тоже провела жизнь в ожидании чего-то такого

особенного и приятного, что так и не произошло. Она была ученой дамой, знатоком французской истории восемнадцатого века, ее уделом были монографии, научные семинары и священная пыль библиотек. Почти до сорока лет она жила надеждой встретить своего героя (вероятно, в мечтах ей являлся кто-то вроде Короля-Солнце, Робеспьера или, на худой конец, Камилла Демулена). Но нынешнее время оскудело, рождая среднестатистических мужчин, и потому ей пришлось ограничиться неким старшим научным сотрудником. Они расстались очень быстро, еще до рождения их общего ребенка. Ученая дама, страшно разочарованная, решила больше героев не искать и посвятить себя только работе. Она мечтала о девочке. О единомышленнице и помощнице. Но на свет появился Марат...

Это было новое разочарование!

Конечно, она вырастила его, воспитала, была строгой, внимательной и справедливой, какой и должна быть настоящая мать, но ни на минуту не забывала о том, сколь жестоко обманула ее судьба.

Ей снились сны – что у нее родился не Марат, а хорошенькая веселая девочка, которой надо заплетать косы и покупать кружевные платица. Водить за ручку в детский сад и ласкать без меры. Ученая дама была уверена, что только девочек можно ласкать без меры, а с мальчиками надо быть сдержанной, ведь они – будущие мужчины. Она рассказывала об этих снах Марату. Не потому, что хотела сделать ему больно,

а потому, что ей надо было хоть с кем-то поделиться своими несбывшимися мечтами.

На улице она провожала взглядами матерей со своими дочерьми, и у нее вырывалась что-то вроде: «Ах, хотела бы я быть на их месте!»

Позже, в школе, если учителя за что-то жаловались на Марата, она не раз замечала: «С девочкой таких проблем не было бы».

Их было много, этих поводов для сожаления – вроде бы мелких, незначительных, но тем не менее ощутимых, остающихся навсегда в памяти.

«Зачем тебе какая-то девочка? Я лучше. Я гораздо лучше!» – в детстве говорил он ей. Потом – перестал, когда понял, что это бесполезно.

А сам он девчонок недолюбливал. Они были соперницами – теми, кто отнимал у него любовь матери. Он видел в них множество недостатков, замечал все дурное... Они лживы, хвастливы и лицемерны. Притворщицы и плаксы. Они любят только тряпки и предают друг друга. Им нельзя верить. Они насмешливы и злобны – как уродливые горгульи на карнизе собора Парижской Богоматери (видел картинку в одной из материных книг). Форма без содержания.

Шлюшки. «Ты бы наплакалась с дочерью! – однажды, уже в юности, заявил он матери. – Посмотри, какие они! Ну посмотри! А как они ведут себя со своими матерями... Если бы у тебя была дочь, она бы давным-давно бросила тебя, она

убежала бы за первыми попавшимися штанами! Они – чудовища, и странно, что ты этого не замечаешь...»

«Я бы смогла воспитать свою дочь порядочной, я бы научила ее быть благодарной, – легко возражала мать. – Все те примеры, что ты мне приводишь, – это из жизни людей необразованных и равнодушных, которые ничего не понимают в педагогике».

Она и умерла, продолжая сожалеть, что у нее нет дочери, хотя Марат ухаживал несколько лет за пожилой, очень больной женщиной лучше всякой сиделки. Он так и не дождался от нее этих слов – «нет, все-таки хорошо, что у меня есть ты!».

Словом, его мечты о чуде тоже не оправдались.

Женщин у него практически не было – так, случайные романы, недолгие и необременительные. Высшее образование он так и не получил – во-первых, не видел смысла, а во-вторых, в те самые годы, когда полагалось учиться, было некогда, ухаживал за больной матерью.

Единственным исключением была Жанна. Только она примиряла его с жизнью, ее одну считал *настоящей* и даже иногда допускал мысль о том, что, возможно, его мать мечтала именно о такой дочери.

Тогда, в далеком детстве, Жанна мелькнула золотым лучиком – существо без недостатков, и с годами образ ее становился все более идеальным.

Жанна открыла глаза на рассвете и не сразу поняла, где находится.

Потом вспомнила – нет, не то, что она у своего соседа и что оконфузилась, заснув в чужой квартире. Она вспомнила о том, как Юра Пересветов произносил ту самую sacramентальную фразу...

«Не любит! Он меня не любит!»

Жанна заплакала. Потом засмеялась. Потом опять заплакала... Ведь она так надеялась, что на следующий день ее горе станет меньше.

Не стало.

– Марат! – позвала она. – Марат, ты где? – закричала Жанна и попыталась встать, путаясь ногами в одеяле.

Он прибежал через мгновение – темные глаза глядели встревоженно.

– Я здесь... Кофе хочешь?

– Марат, что вчера было? – с раздражением и тоской спросила Жанна, отбросив наконец от себя одеяло.

– В каком смысле?

– В том самом... – Щеки у нее слегка покраснели, взгляд метался по комнате.

– Ничего не было, – пожал он плечами. – Ты выпила шампанского и заснула. А я спал на кухне. Я говорю – кофе хочешь?..

Жанна расправила оборки на платье, провела рукой по волосам.

– Нехорошая привычка – спать в макияже, – пробормотала она. – Но ничего...

Она засеменила на кухню босиком, ее босоножки остались брошенными у кушетки.

– Еще я хочу есть... Марат, ты меня накормишь?

– Конечно, – невозмутимо ответил тот.

– Марат...

– Что?

– Я говорила тебе, что ты хороший?

– Несколько раз. Ты мне даже предложение вчера пыталась сделать. Ты, кстати, не передумала?

Жанна снова принялась смеяться.

– Марат, прости, я такая дурочка... Честное слово, я не хотела ставить тебя в неловкое положение! – Она села за стол на кухне, придвинула к себе большую кружку с дымящимся кофе. – Только, пожалуйста, не смотри на меня...

– Но почему?

– Я, наверное, ужасно выгляжу.

– Ничего подобного! – Марат даже немного обиделся. – Ты чудесно выглядишь. Ты похожа на розу. На чайную розу – помнишь, я тебе дарил?

– Помню... – тихо ответила Жанна.

Она допила кофе, с неожиданным аппетитом съела омлет с грибами, ветчиной и сыром («мм-м, в сто раз лучше, чем в ресторане!») и ушла к себе.

На следующий день прибыла Ксения Викторовна в сопровождении очень сублильного и очень стильного молодого человека.

– Привет, Жанночка, с наступившим, – звучно расцеловала она дочь. – Это Сэм.

И тут же побежала по комнатам.

– Боже мой, ты так и не удосужилась сделать ремонт? – донеслось издадека. – А это что? Нет, какой кошмар! Где ты откопала эти отвратительные занавески?!

У Сэма Распутина были иссиня-черные волосы – вьющиеся на концах, зачесанные назад и покрытые густым слоем геля – отчего они казались намертво прилипшими к голове. Узкое личико с длинным носом и недовольные складки в уголках рта. Одет он был чрезвычайно вызывающе – красная рубашка махровыми швами наружу, рваные ядовито-зеленые джинсы, желто-черные ботинки...

Жанна оглядела его и произнесла со вздохом:

– Ну, здравствуй, папа...

– Здравствуй, дочка, – тоже вздохнул Сэм. Вблизи от него пахло индийскими благовониями.

Вместе они пошли за Ксенией Викторовной. Та в данный момент изучала гардеробную.

– Просто ужасно, – деловито сообщила она Жанне. – Послушай, из этой квартиры же можно сделать конфетку!

– Непременно сделаю, – обещала Жанна, зная, что спорить с матерью бесполезно. – Я как раз хотела с тобой посо-

ветоваться...

Это был ловкий отвлекающий маневр.

Ксения Викторовна мгновенно подобрела.

– Стены покрасить, потолок тоже, занавески сменить, а вот здесь устроить нечто вроде подиума, чтобы был бортик, волной... Цвета – шоколад, карамель, кофе, бисквит, – отчеканила она. – Спальню всю затянуть тканью, а у кровати чтоб непременно было кожаное изголовье цвета меди и покрывало в тон ему. Дверь в ванную срочно смени – тебе подойдет что-то вроде полупрозрачного пластика!

– Непременно.

– А книги ты так и не разобрала... – с досадой констатировала Ксения Викторовна.

– Я собираюсь от них избавиться.

– Ни в коем случае! – закричала мать. – Ты с ума сошла! Библиотека в доме – это последний писк! Ты в курсе, что сейчас очень моден ампир? Так вот, ампир немыслим без библиотеки... Она придает дому солидность, интеллектуальность, торжественность! Хорошо бы в гостиной сделать массивную библиотеку красного дерева с золотой отделкой и бронзовым орнаментом. Одна часть обязательно должна быть застекленной, а другая – открытой.

– Но пыль...

– Господи, тебе что, трудно лишний раз тряпочкой все протереть?.. А на полочках надо небрежно разместить античные статуэтки, черепки, привезенные из археологиче-

ских поездок.

– Я должна отправиться в археологическую поездку? – сдержанно спросила Жанна.

– Нет, необязательно... Ты понимаешь – как бы из археологической поездки! – нетерпеливо произнесла Ксения Викторовна и упала на диван.

Мать Жанны выглядела превосходно – темно-синий сарафан, рубиновое ожерелье, черные косы вокруг головы, цвет лица – младенчески нежный. Полнота не портила ее, а, наоборот, придавала некую пикантность. Кроме того, лишний вес не являлся недостатком для певицы, исполняющей русские народные песни. И еще у Ксении Викторовны были изумительные синие глаза.

Сэм скромно сел рядом с ней.

– Как ты провела новогоднюю ночь?

– Нормально.

– С кем?

– С соседом. Его зовут Марат.

– У вас роман?

– Нет.

– А что?

– Ничего. Просто выпили шампанского, поздравили друг друга. Он очень хороший человек, – терпеливо объяснила Жанна.

– Погоди, погоди... – Ксения Викторовна свела соболиные брови. – Я, кажется, видела его, когда покупала эту квар-

тиру. Такой темненький, да? В куртке защитного цвета и этих... гриндерсах! Он что, военный?

– Да вроде нет...

– А зачем тогда одевается так? – возмутилась Ксения Викторовна. – Между прочим, подобные замашки свидетельствуют о скрытой гомосексуальности. Да, Сэм?

Тот пожал плечами.

– Вот видишь, и Сэм так считает!

– Мама! – Жанна пришла в ярость. – Марат – чудо, и лучше его я никого не знаю!

– А чего ты кричишь на меня?

– Я не кричу, мне просто неприятно, что ты говоришь о Марате эти гадости...

– Это не гадости, а совершенно естественная вещь... Кто бы мог подумать, что ты такая пуританка!

Сэм невозмутимо слушал их препирательства, никак не реагируя. Судя по всему, он слишком много говорил в прямом эфире и потому предпочитал в свободное время молчать.

– Лучше расскажи, как ты провела новогоднюю ночь, – вспомнила Жанна.

– А, ну да... – Ксения Викторовна снова молниеносно перестроилась. – Мы были в одном чудесном месте. Фантастическом! Знаешь особняк графа Строганова в Подмосковье? Так вот, там недавно открыли ресторан... – От восхищения Дробышева сложила руки на груди и закатила свои синие

очи. – Потрясающе!.. Представляешь – столовые приборы из двадцатичетырехкратного золота, фарфор от Версаче, богемский хрусталь! Метрдотель – настоящий, стопроцентный француз, зовут Гильермо...

– Ну, допустим, он не француз... – лениво поправил Сэм.

– Нет, дуся, он француз! – яростно возразила Ксения Викторовна. – Сводчатые расписные потолки, как в Кремле! Портреты государей, винный погреб... Мы провели там незабываемые часы!

– Да, хорошо погуляли... – кивнул Сэм.

– Кстати, Сэмочка, как тебе моя дочь, я забыла спросить? – спохватилась Ксения Викторовна.

– Дочь – замечательная, да вот твоя ли?

– Моя, моя! – захохотала исполнительница народных песен звучным грудным голосом. – Никто не верит... Она, дуся, в Ложкина.

– В кого?

– В моего первого мужа, Гену Ложкина. Ты, Жанна, давно видела папу?

– Давно, – сказала Жанна. – Лет двадцать назад. Или даже больше...

– И правильно! Нечего на него лишний раз смотреть! Уж такой мерзкий тип! Скупердяй и зануда. Я с него алименты через суд взыскивала. Мне не деньги его были нужны, разумеется, я из принципиальных соображений...

– Я слышала, у тебя скоро какой-то концерт, к Рожде-

ству? – вспомнила Жанна.

– Да, да... обязательно приходи. Я к этому концерту подготовила совершенно невероятные костюмы... Арина Каплер шила. Сэмочка, дуся, ты их одобряешь?..

– Вполне.

– Так вот, все костюмы в определенной цветовой гамме, такой матово-мерцающей, атласной... Жемчужный блеск, лунный свет, свечение агата, обсидиана! Переливчатое, перламутровое... Я еще, знаешь, надену такие большие броши, в виде орденов – мне даже кажется, я чем-то буду напоминать Екатерину Великую...

Ксения Викторовна говорила, не умолкая, но Жанна ее уже не слышала. Она снова думала о Юре Пересветове.

За окном была Москва, вся в снегу. «Если бы мы были вместе, мы бы обязательно отправились гулять. Шли бы и шли по улицам... Господи, как мало мне надо! Ни красного дерева с бронзой, ни мерцающего обсидиана... ничего мне не надо, лишь бы только Юра был рядом!»

Третьего января Руслан Айхенбаум проснулся в первом часу дня в своей однокомнатной холостяцкой квартирке с видом на Яузу.

Как ни странно, но чувствовал он себя вполне сносно – особенно если учитывать новогодний загул, который в режиме нон-стоп длился два дня. Даже более того – Руслан проснулся с нестерпимым желанием свернуть горы, и про-

блема была только в том, что никаких гор поблизости не было.

Он – большой, сильный, стопроцентно здоровый – лежал на широкой тахте (постельное белье с рисунками из жизни веселых зайчат, материал – натуральный шелк), а тело его жаждало подвигов. Если бы он был гладиатором в Древнем Риме, то непременно бы выиграл бой, который его ждал впереди. Если бы он был Аттилой, то разгромил бы своих врагов наголову. Если бы он являлся борцом-тяжелогоатлетом, то погрузился бы в многочасовую тренировку – до изнеможения, до ломоты в мышцах...

Но Руслан Айхенбаум был обычным офисным служащим, и никаких подвигов от него никто не ждал.

Не вставая, он взял со столика телефонную трубку, нажал кнопку.

– Алло, Яков Семенович, вы еще поживаете?

– Нет, Руслан Генрихович, я уже бодрствую... – отозвался Сидоров.

– Хочешь услышать народную мудрость?

– Валяй. Правда, не знаю, от имени какого народа ты собираешься ее толкнуть...

– Иди к черту... Ну, так вот – никогда не женись на женщине, с которой можно жить. Женись на той, без которой жить нельзя.

– Не смешно, – фыркнул Сидоров. – Давай лучше я расскажу тебе новости науки. Модной нынче генетики...

– Давай.

– Так вот, генетики решили скрестить кур со слонами – представляешь, какие получатся куриные крылышки?..

– Не смешно.

– Ладно... Тогда – бананы с белыми медведями, чтобы они могли расти и за Полярным кругом.

Последовала пауза.

– Слушай, ты помнишь, что вчера было? – спохватился Айхенбаум. – У меня в голове какой-то туман...

– Что-что... – Сидоров издал короткий смешок. – Ты вчера свалил из клуба с какой-то красоткой.

– Серьезно? – поразился Айхенбаум. – А, ну да... Ее звали Катенькой. Или Любочкой?

– Это ты меня спрашиваешь? Кстати, я был в полной уверенности, что ты до сих пор с ней, потому и постеснялся звонить.

– Нет, я один. – Руслан Айхенбаум беспокойно огляделся. – Хотя погоди – кажется, вода в ванной шумит! – с ужасом воскликнул он.

Руслан выскочил из-под одеяла, продолжая прижимать к уху трубку, и осторожно высунул голову в коридор.

– Нет, никого... Тихо. Показалось, наверное.

– Значит, твоя Любочка тире Катенька тебя уже покинула.

– И слава богу! – с облегчением воскликнул Айхенбаум. – Ты не представляешь, какая она дура! Ты таких еще не знаешь.

– Знаю, друг мой, я все знаю.

Айхенбаум снова улегся на тахту, скрестил загорелые ноги (обязательный солярий раз в неделю).

– Не люблю глупых женщин. Они нынче не в моде. Сейчас интеллектуалки очень ценятся. И это правильно...

– Согласен, – поддержал друга Сидоров. – А то смотришь на иную – какой макияж, какой прикид, какой роковой блеск в глазах... Будто тайну в себе несет, саму тайну мироздания. А заговорит – тьфу ты... «Ой, недавно отдыхала на Ибике, это так классно, мы там тусовались с вечера до утра...» – передразнил он манерный женский голос.

– Точно!

Друзья помолчали.

– Хочу сделать тюнинг, – наконец произнес Айхенбаум. – Увеличить мотор со ста пятидесяти до ста девяноста трех. Глушитель заменить... Ну, еще к переднему бамперу пристыковать спойлер. Колеса тоже поменять... Интерьер тоже не мешало бы улучшить – поменять там набалдашник у коробки передач, коврики...

– Все понты, понты... – усмехнулся на том конце провода Сидоров. – Ты, друг мой Руслан, помни: высший шик – это никакого шика. Делай тюнинг, не делай – все равно тебя в гробу похоронят.

– Да ладно тебе...

Они снова замолчали.

– Вот Жанна – ее нельзя назвать дурочкой, – наконец не

слишком уверенно продолжил Айхенбаум. – Она... Нет, дело не в том, что у нее там высшее образование и все такое... Но она и не интеллектуалка! Иных интеллектуалок порой просто хочется задушить! Как начнут трепаться про Кафку с Хайдеггером и особенности экзистенциализма...

– Жанна – особенная, – согласно подхватил Сидоров. – В этом ты прав. Мне кажется, у нее кто-то есть.

– Что?.. – Айхенбаум даже подскочил на тахте. – Ты уверен?

– Чтобы такая девушка, да одна... Сам подумай.

Айхенбаум душераздирающе вздохнул. Потом признался:

– Если бы она была моей женой, то я бы даже не изменял ей. Она... Нет, ну а кто бы у нее мог быть? Тебе не кажется, что Артур Потапенко...

– Потапенко она ненавидит, за это я ручаюсь! – перебил друга Сидоров. – Кто угодно, но только не он.

– Тридцать первого я видел ее с Пересветовым. Они были одни в комнате. О чем-то говорили, и у нее было такое лицо...

– Ты спятил.

– Вообще, да... Невозможно представить, чтобы она была влюблена в Пересветова. Слушай, а ты не думал, что она фригидная?

– Кто, Жанна? Послушай, если она не обращает на тебя внимания, это еще ни о чем таком не говорит! – возмутился Сидоров.

– Она все время ускользает. В прямом и переносном смысле... – печально сказал Айхенбаум. – И еще она... нет, даже не знаю, как это объяснить! Вот в ней – есть тайна. Тебе так не кажется?

– Да, в ней есть тайна. Именно такая тайна, какую словами и не объяснишь... – горячо согласился Сидоров.

– И вроде бы не особенная красавица... Нет, она красавица, но есть и лучше. Есть лучше, а все равно смотришь только на нее. Бесконечно милое личико, эта улыбка, от которой сердце екает...

– Ты поэт.

– Ну тебя! – рассердился Айхенбаум. – Слушай, по-моему, все-таки что-то шумит!

– Это у тебя в голове шумит после вчерашнего... – съехидничал друг.

– Тс-с... – Держа в руках телефонную трубку, Айхенбаум снова выглянул в коридор. Звуки доносились из кухни, и напоминали они явно шкворчание яичницы на сковороде.

Айхенбаум заполз обратно в комнату.

– Она здесь... – упавшим голосом произнес он.

– Кто?

– Ну, Любочка тире Катенька!

– Мои соболезнования.

– Как же так, как я мог не заметить?.. И ведь проснулся в полной уверенности, что один!

– Теперь ты обязан жениться на своей Катеньке, как по-

рядочный человек.

– Шуточки у тебя! Я не восточный человек, чтобы гарем заводить... Их же вон сколько, а я один!

– Жанна мне достанется... – промурлыкал ехидно Сидоров.

– Ну уж нет! – яростно зашептал Айхенбаум. – Прорвемся... – Он неожиданно задумался. – Слушай, Яша, а у тебя нет такого ощущения, что ты занимаешься чем-то не тем?

– В каком смысле?

– В смысле работы... По-моему, это очень скучно – быть клерком.

– Русик, а еще таких, как мы, называют иногда яппи. Мы средний класс, нас в Москве очень много. Журналы читаешь?

– Я не хочу быть клерком, яппи, средним классом. Я хочу... Если б знать, чего я хочу!

Сидоров запыхтел в трубку:

– А знаешь, Руслан Генрихович, мне моя жизнь тоже не особенно нравится... Я жалею о том, что я не садовод, например. Мне иногда снятся сады. Солнце такое жаркое, а в саду тень и прохлада, запах фруктов и цветов – сладкий, свежий... и почему-то тоска на сердце.

– Тебе надо сходить к психоаналитику.

– Вот сам и иди! – Сидоров разозлился, нажал на отбой.

Айхенбаум послушал короткие гудки, а потом положил трубку на стол.

«И тоска на сердце... – уныло повторил он. – Ненавижу праздники!»

Надо было идти на кухню, где неплохая, в общем-то, девушка Люба (Катя?) самоотверженно жарила ему на завтрак яичницу, но так не хотелось...

...Зима в Москве после новогодних и рождественских праздников тянется долго, скучно и под конец надоедает так, что о марте думают как о долгожданном освободителе. Но март московский – обманщик и вредина, он и не думает никого обнадеживать. Холодный и скользкий, он безжалостно продолжает традиции февраля...

В «Минерве-плюс» отмечали международный женский праздник, вернее, его приближение – непосредственно само Восьмое марта являлось нерабочим днем. Мужчины честно накупили охапки мимозы, принесли обязательную дань – накануне смели с прилавков все мелкие безделушки, сувенирчики, коробки конфет, плюшевых зверей, альбомы для фотографий...

Что касается Платона Петровича Крылова, то он самолично отправился поздравлять свой персонал.

Начал с низов. Пожелал счастья и долгих лет жизни Людмиле Климовне, техничке. Людмила Климовна со свойственной ей простотой и честностью ответила, что лишние годы жизни ей ни к чему, потому что она, Людмила Климовна, уже давно (тайно и явно) мечтает «поскорее сдохнуть» и, во-

обще, «какой смысл долго мучиться, если счастья все равно нет?..».

Платон Петрович не нашелся, что ей ответить, и прямоком отправился к Зине Рутковской. Ей он пожелал творческих успехов и боевого задора. Зина Рутковская моментально напряглась – она решила, что начальник опять намекает на тот досадный инцидент, когда на него свалилось мозаичное панно «Битва при Грюнвальде», иначе при чем тут творческие успехи?.. А словосочетание «боевой задор» явно указывало на название этого самого панно.

Зина Рутковская немедленно начала плакать, поскольку с утра ждала, что к ней в подсобку зайдет Барбарисыч, а тот так и не зашел. Вывод – не любит. Намек начальства был последней каплей, и она не смогла сдержать слез.

Тогда Платон Петрович убитым голосом заявил, что Зина – «наш самый ценный сотрудник». Это уже было откровенное издевательство, и Зина зарыдала в полный голос...

Вытирая платком лысину, обескураженный Крылов столкнулся в коридоре с Полиной – та опоздала ровно на полдня и даже не соизволила позвонить.

– Ну что? – грозно спросил Крылов. – И где мы были? Надеюсь, мы не думаем, что оправдаем такое поведение Женским днем?..

Вопрос был из серии риторических, и отвечать на него, по сути, было необязательно.

– Увольняйте... – пробормотала Полина, затравленно

улыбаясь. – По Трудовому кодексу вы имеете полное право. Увольняйте! По статье!

И, стуча каблучками, она убежала к себе в приемную.

Платон Петрович почувствовал себя распоследним извергом.

У него моментально занял желудок. «Предъязвенное состояние, – не так давно сообщил ему гастроэнтеролог, у которого Крылов был на приеме. – С этим, батенька, не шутят. Берегите нервы, питайтесь по часам...»

Этим утром Платона Петровича даже не покормили дома, поскольку жена его сурово заявила, что «некоторые на своей шкуре хотя бы раз должны почувствовать, что такое тяжелый женский труд и что бывает с теми, кто его не ценит!».

В довершение всего прикованная к постели мать-инвалид сходила под себя, а ее сиделка с неожиданной наглостью стала требовать прибавку к своей зарплате, мотивируя это «невиданной инфляцией». «Иначе я все брошу и уйду вот прямо сейчас, сию секунду!» Шантаж чистой воды.

Словом, утро не задалось, хорошо еще, что сестра тещи успела запихнуть ему в портфель термос с горячим молоком и пирожки собственного приготовления...

Платон Петрович отправился по отделам.

Информационный он пропустил, поскольку ни одной женщины там не работало, а вот в бухгалтерии его ждал сюрприз.

– Платон Петрович, вы в курсе, что Ниночка у нас замуж

выходит? – обступили его.

– Хоть что-то хорошее... – застонал Крылов. – Нинуля, милая моя, я так рад!

От избытка чувств он принялся обнимать Нину Леонтьеву. Та засмеялась и пошутила, что теперь у ее жениха есть повод для ревности.

– Да кто жених-то? – нетерпеливо спросил Крылов.

– Юра Пересветов, кто ж еще!

– Сразу двое моих сотрудников... нет, вы только подумайте! – ахнул он. Романы между служащими он не одобрял, но тут случай был особый – Платон Петрович хорошо знал, что и Нина из бухгалтерии, и системный администратор Юра были людьми глубоко одинокими и не слишком счастливыми. – От меня подарок... от имени конторы подарок... – Неожиданно его озарила идея. – Послушайте, девочки, а ведь это событие мы и должны отметить всей конторой! Потому нас всех можно считать одной семьей!

– Точно! – закричали все вокруг.

Нина улыбнулась, покраснела и поправила очки.

– Хорошо, – мягко произнесла она. – Я и сама об этом думала. Приглашаю всех.

– И когда же? – поинтересовался Крылов.

– Двадцать четвертого апреля, в субботу.

В комнату с задумчивым видом медленно протиснулся Гурьев.

— Что вам, Николай Ионович? — любезно спросила Карина.

— Нет, ничего. Я, собственно... — промямлил Гурьев. — Ах, да — я же вас, девочки, хотел поздравить с праздником! — опомнился он.

— Спасибо, Николай Ионович, — развернулась в кресле Жанна. — Вы такой милый! Я вас просто люблю.

— Ну будет, будет сочинять... — засмеялся тот. Жанне он преподнес плюшевого медвежонка в забавном фартучке, а Карине — фарфорового расписного зайца.

— Действительно, мило... — засмеялась Карина, вертя в руках зайца. — И чем-то он на вас похож, а, Николай Ионович?.. Нос пипочкой, и глаза очень добрые!

Гурьев сконфузился.

— Разве у меня такой нос?.. — пробормотал он. — Я вот что... Я все думаю, девочки, что такое счастье?

Карина с Жанной переглянулись.

— Садитесь, Николай Ионович, — Жанна указала ему на свободный стул. — Это очень интересная тема. И что же вы об этом думаете?

Гурьев достал из кармана записную книжку, водрузил на

нос очки.

– Гераклит считал, что счастье заключается в самоудовлетворенности. То бишь, если человек доволен сам собой, то он и счастлив... А Демокрит смотрел шире – он утверждал, что счастье заключено в гармонии. Должна быть гармония – и вокруг, в мире, и в себе... – прочитал он вслух.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.